

Максим Федосов

X

ДЕСЯТЬ

12+

Максим Валерьевич Федосов

Десять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25034909

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге собраны десять небольших историй, каждая из которых происходит в наши дни. Герои историй – наши друзья, знакомые, приятели, коллеги, простые современные «трудяги»: менеджеры, музыканты, чиновники, студенты, журналисты, художники... Объединяют их лишь скрытые до поры, тайные, но известные всем законы, запечатленные в скрижалях Моисея много тысяч лет назад. Что такое десять заповедей Моисея сегодня? Может быть все они безвозвратно устарели?

История первая

ФЕСТИВАЛЬ

«Я – Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня».

(Исход 20:2-3)

1.

Всё самое интересное обычно случается в конце.

Именно к концу праздника эмоции артистов и музыкантов, случайных и неслучайных зрителей достигают своего высшего напряжения, прожекторы раскаляются до предела, перегреваются усилители и световые пушки...

И вот, наконец, они – последние аккорды, финальные слова, взрыв эмоций, выброс адреналина, световая иллюминация, визги зрителей и слёзы артистов...

Международный фестиваль этнической музыки «Поколение», проходящий под открытым небом где-то недалеко от города К., заканчивался именно так: оглушающие аккорды заполнили собою огромные аудиосистемы, огненные фонтаны брызнули рядами праздничного салюта, артисты на сцене, дружно обнявшись, затянули припев последней песни, зрители завывали от переполнявшего их «культурного» вос-

торга, – именно в этот момент раздался оглушительный протяжный звук, что-то вроде «уу-уу-ух».

Звук этот был похож на последний вздох огромного животного. И в это самое время на сцене погас свет.

Погасли все прожектора, фонари, угасли фейерверки...

Огромное поле летнего музыкального фестиваля погрузилось во тьму.

Буквально на секунду все замерли.

Кто-то еще пытался осмыслить этот «финальный аккорд фестиваля», но большинство зрителей быстро поняли, что случилось что-то непредсказуемое.

Этим «непредсказуемым» был Василий, местный деревенский электрик, который ещё в начале установки светового и звукового оборудования предупреждал, что кабель может «не выдержать».

Кабель... не выдержал.

Было ощущение, что яркий грохочущий фестиваль поставил таким образом жирную точку в своей программе.

Однако дальнейшие события смазали эту точку, превратив её в длинное и острое, как лезвие ножа, тире.

На бывшем колхозном стадионе, оборудованном под «партер фестиваля», который с трудом вмещал несколько тысяч ещё минуту назад разгоряченных и довольных зрителей, началось смешение, шевеление, давление друг на друга и другое неосознанное движение толпы. Организаторы

со сцены что-то громко выкрикивали о порядке и спокойствии, – но зрители уже зажгли фонарики и зажигалки, освещая себе путь в сторону шоссе.

Возглавляли шествие те, кто знал, в какой стороне находится шоссе, за ними двигались те, кто помнил примерно, где находится пресловутое шоссе, а остальные, повинувшись инстинкту толпы, двигались за теми, кто вообще куда-то шёл. Со стороны это движение больше напоминало мелькание рассыпанных по ночному небу звезд млечного пути. Зажигалки включались и гасли, и всё шествие с шумными выкриками обсуждало яркое окончание мероприятия. По их эмоциям было ясно, что мероприятие всё-таки удалось.

В это время за сценой, в узком полутёмном пространстве, происходило хаотичное движение, подогреваемое выяснением отношений, тем более что электрика Василия так никто найти и не смог. Артисты, ещё не сбросив с себя сценических костюмов, сбивали друг друга с ног, разыскивая хоть кого-то, кто понимал бы, где начинается кабель и где он подключается к распределительному щитку – всем казалось, что достаточно что-то включить, или замкнуть, или, по крайней мере, запаять, чтобы свет включился и артисты смогли бы в наступающей темноте найти свои палатки, вещи и машины, припаркованные в разных местах за кулисами артистической зоны.

Со стороны эта постконцертная суэта выглядела довольно смешно, всё это дополнялось руганью и каким-то нервным

смехом, – складывалось ощущение, что остановить эту ситуацию сегодня уже никто не сможет – света не будет. Наступающая холодная и сырая ночь уже не обещала больше весёлых и праздничных эмоций, нужно было быстрее устроиться в палатки, заранее подготовленные ещё с прошлого, подготовительного дня.

Рустам приехал на фестиваль из Казани неделю назад. Сегодня он «зажигал» со своим коллективом в самом начале мероприятия и к его «ослепительному» концу успел переодеться и согреть чай на небольшой газовой плитке рядом с палаткой.

Приехав на фестиваль, как обычно, за пару дней до его начала, он уже успел наладить «бытовые условия» – поставил палатку, навозил дров из ближайшей деревни для костра и мангала, обустроил беседку, соорудил удобные лежанки и столики, а главное – успел несколько раз отрепетировать своё выступление. Этот фестиваль был для Рустама не первый, – он объездил со своим коллективом уже несколько городов и стран, но «Поколение» был для него особенным – сюда он приезжал раньше на несколько дней и оставался ещё некоторое время после концертов, – ему нравилась неформальная полевая обстановка, жизнь в палатках, вечерние посиделки у костра, – всё это напоминало ему о весёлых студенческих годах.

В соседней палатке аккуратно складывал костюм оленя

музыкант из далекой Якутии. Его звали Атырдьях, но близкие и друзья звали его просто – Атыр.

Атыр приехал на фестиваль из далекой Якутии несколько дней назад и уже успел побывать на экскурсии в ближайшем колхозе, где его научили пить местный самогон, от которого наутро болела голова, глушить динамитом рыбу в местном озере и даже рассказали о смысле некоторых новых слов. Так, в лексиконе Атыра добавились слова «айфон», «фейсбук» и «твиттер», смысл которых не вполне был ему понятен.

Уложив вещи, Атыр пошел искать свой чайник, который еще утром стоял у него на импровизированном столике в палатке, чтобы вскипятить чай на костре и погреться. Атырдьяха поселили в палатку артистов из Томска, которые приехали на фестиваль целым «ансамблем» из шестнадцати музыкантов и танцоров.

Бурно и весело обсуждали сегодняшнее событие у только что разведенного костра, который освещал своеобразную «артистическую поляну» не хуже прожектора. Вспомнили моменты выступления, ошибки музыкантов, неудачные нестыковки танцоров, ну и, конечно, самое главное – окончание фестиваля и опустившуюся на сцену неожиданную темноту. Сейчас, когда всё было позади, и рядом тихо потрескивали угли костра, освещая прижавшихся друг к другу друзей, вспоминать об этом было приятно, и казалось всем, что разговоров об этом теперь хватит на целый год... до следу-

ющего фестиваля.

– Мужики, моя чайник никто не видел? – Атыр вопросительно встал в середине поляны.

– Твоя чайник у тебя на голове, чукча, – зашелся хохотом кто-то у костра. – Вон кипяток в котелке, налей оттуда.

Атыр немного обиженно налил кипяток, обжигаясь и охая, поставил котелок на место.

– Чай хорошо. Чай якут любит.

– Так ты с Якутии?

– А что, разве не видно. Якут я. От Якутска до Учтук-Мангала на вертолете и там еще километров десять...

Улыбки сидящих у костра стали добрее.

Атыр посмотрел на костёр и, чуть помедлив, виновато добавил:

– На оленях...

Оглушительный взрыв смеха снова заставил вспыхнуть костер ещё сильнее.

– Так ты на наш фестиваль с самой Якутии тащился, что ли?

– Нет, я в Москве живу. У тети. Она музыка преподает. Меня туда устроить обещала. В эта... В кон-сер-ва-торию. – Атыр еле-еле выговорил это длинное слово по слогам.

– Консервы, что ли делать? – язвительно спросил кто-то из второго ряда.

И новый взрыв смеха поднял сноп искр от костра. Складывалось ощущение, что невысокое и мятущееся пламя ко-

стра каким-то образом принимает участие во всеобщем веселье.

– Чего вы ржёте? Вот пристали к парню, – вступился подошедший другой участник фестиваля. – Всё-таки у парня есть мечта заниматься музыкой, разве это смешно?

Хохоток у костра медленно растаял и неторопливо перешёл в тихие разговоры и воспоминания, а Атыр уже отходил с кружкой горячего чая в сторону.

– Ты не обижайся, это они не со зла, – новый знакомый похлопал Атыра по плечу, – ты кстати, хорошо танцуешь, лучше даже, чем играешь на варгане. Это же ты был в костюме оленя?

– А ты видел, да? – обрадовался Атыр.

– Ну, конечно. «Оленей» тут не так много. Коля, – протянул руку Николай.

Атыр внимательно посмотрел на его ладонь, и чуть замешкав, протянул в ответ свою.

– Атырдьях. Можно Атыр.

– Якутия?

– Да, с Якутии. Но живу в Москве. У тёти.

– Да я слышал. Наш, значит, московский якут, – улыбнулся Николай. – Пойдем, я тебя с нашими познакомлю. А то публика здесь какая-то не совсем гостеприимная, – Николай оглянул ещё раз поляну, словно пытаясь взглядом объяснить что-то важное, но потом махнул рукой и указал Атыру на соседнюю палатку, затерянную в темноте лесной опушки.

На соседней поляне костёр уже почти потух и все собирались расходиться, чтобы завтра встать пораньше для сборов домой. Еще несколько участников фестиваля громко и оживленно обсуждали моменты выступления, а другие уже собирали мусор около туристического стола и вытирали посуду.

– Мужики, это Атыр, настоящий якут из Москвы.

– А, тот самый северный олень? – засмеялся Рустам, протягивая руку для знакомства. – Давай, проходи.

– Андрей, – протянул ему руку ещё один музыкант.

– Слушайте, а пойдём в палатке посидим, комары уже достали, – Николай пригласил всех в большую палатку, стоявшую неподалеку.

Загасив костёр, Николай, Атыр и Андрей забрали туристические стулья и уже через десять минут допивали чай, сидя за большим складным столом внутри палатки.

Зашел попрощаться Рустам, чтобы завтра не вставать рано утром. Он долго говорил о чём-то с Андреем, записывал что-то в записную книжку, потом присел за стол.

Всем хотелось спать после насыщенного дня, но какое-то необъяснимое желание продолжать разговор останавливало и так хотелось посидеть ещё под этой старой керосиновой лампой, в палатке, которая могла вместить до десяти человек, за этим, не совсем устойчивым, но выдавшем виды столом, на раскладных стульях... рядом с потрескивающей печ-

кой...

Это необыкновенно тёплое чувство вечерних «посиделок» у костра, которое переходит в посиделки в палатке, затем переходит в разговоры практически в полутёмной палатке, а потом – в тихий шёпот уже забравшихся в спальные мешки, или укутавшихся в одеяла... Парадокс: переполненному впечатлениями и уставшему человеку так трудно заставить себя уснуть, особенно и непременно при условии, что рядом находится ещё такой же уставший коллега по походу... который тоже пытается уснуть. Но все-таки желание поговорить ещё и ещё в такой момент больше, чем желание поспать...

Допив чай, Николай и Андрей достали спальные мешки, рюкзаки и коробки, и принялись укладывать вещи. Рустам и Атыр что-то активно обсуждали, налив по пятому разу чай из термоса. Маленькая керосиновая лампа со смешным абажуром отбрасывала сверху смешные тени и слегка покачивалась. Наступившая ночная прохлада проникала сквозь палатку внутрь, и маленькая чугунная печка уже давала мало тепла.

– Да, как страшно сегодня свет потух... Я было подумал, шаман какой... – Атыр вздрогнул и накинул на плечи тёплый свитер.

– Да ладно, шаман... Я такого сам не припомню за шесть лет этого фестиваля, – рассуждал Рустам. – Хотя надо сказать раньше не было столько осветительной аппаратуры. Да

и звук был потише, видимо всё это и жрёт электричество, а где его тут взять, в деревне?

– Страшно конечно. А представьте, живём вот так... ничего не слышим вокруг себя, не видим... не жизнь, а прямо «фестиваль» какой-то. Надеемся на пресловутый прогресс... И вдруг – вот так, бац и всё! Ни электричества, ни воды, ни тепла, – Николай громко поставил металлический стакан на стол. – Всё. Конец света...

– Да хорош нас тут пугать-то! Конец света отменили. – Рустам улыбнулся, поднял голову, посмотрел на мутную лампу, висевшую над столом. Керосинка еле освещала большую палатку, свет её то слегка дрожал, то горел ровно.

– Да... – Атыр тоже смотрел на лампу вверху, – вообще... да, много народа собралось, – фестиваль растёт. Только некоторые как-то странно относятся к нам... Вот я сегодня... начал рассказывать о своей мечте... а они... на смех подняли.

– Да ладно, Атыр. Ты, вон, добавь мне лучше из термоса, – Николай протянул свою кружку. – Это не смех, Атыр, это... желание посмеяться надо всем... поржать просто и рассмешить друзей... глупо. С этой человеческой глупости начинаются все беды... – Николай как-то серьёзно посмотрел на собеседника. – А про мечту свою никому не рассказывай. Мечта – это твоё личное... Это... то, что можно доверить одному Богу...

– Да, ладно, Коль... – устало протянул Рустам. Главное,

руки не опускать, и работать... а не мечтать...

– Ты прав, конечно. Но не совсем. Вот смотри: один трудится, трудится, а всё не может достичь своей мечты, а другой и не трудится, а получает всё, что хотел. Может потому, что он...

– ... не о том мечтал? – влез в разговор Атыр.

– Нет, – Николай долил ещё чая. – Потому что он решил, что добьётся всего сам. А ведь, если правильно рассудить, всё, что мы имеем... нам даёт лишь один Бог. И поэтому один вместе с Богом трудится над своей мечтой, а другой – считает, что и сам способен получить всё...

– Ну... ты прав, но... Только бог у каждого свой... – уже почти зевая, негромко ответил Рустам.

– Это тоже, как посмотреть. Если так допустить, – на свете десять миллиардов человек – тогда что? У каждого свой бог? – глаза Николая неожиданно засверкали.

– Кто его знает.... Вон, Атыр знает, – да? – Рустам перевел взгляд на Атыра. – Ты вот с Чукотки, у вас там в кого верят?

– Э... это не Чукотка, брат. Якутия. Между прочим, самая большая республика в России. У нас вера в шамана. Шаман всё может. Ветер унять, снегопад остановить.

– А человека счастливым ваш шаман может сделать? – Николай внимательно посмотрел на Атыра.

– Счастливым себя человек сам может сделать, – фраза Атыра прозвучала так чисто и элементарно, что все оторвались от чая и посмотрели на говорящего.

Он многозначительно помолчал, отхлебнул из чашки, и закончил фразу: «Если не будет сам себе мешать».

– Вот у вас как всё просто. Прямо как в буддизме, – опять оживился Николай, – можешь ничего не делать, главное не мешать самому себе? И счастье придет само? Это же почти формула нирваны!

– Нет, Николай, подожди, – вмешался Рустам. – Не всё так просто... А шаман тогда зачем, Атыр?

– Шаман подскажет, когда человек сам себе мешает. Шаман умный. Этому научиться нельзя! Шаманом можно только родиться. Он всё знает. Он может духа позвать, попросить о чём-то... – Атыр прикрывал глаза, словно представляя себе нелёгкий труд шамана.

– Ну хорошо, шаман всё знает, всё умеет, тогда зачем вам Бог? Есть в вашей вере место Богу?

– Конечно есть! У нас всё – бог. Огонь – бог, ветер – бог, вода – бог. Бог у нас – это дух, который помогает человеку, если тот просит его о помощи. Но бывают и духи, которые мешают человеку, делают беспорядок, земле-трясения всякие...

– Понятно, понятно. Значит получается, что ваш шаман – это посредник между богами и человеком?

– Ну да. Шаман может просить духа о чём-то, если шаман хороший, значит всё получится. Поможет.

– Да, всё просто у вас. Ну а Бог сам может прийти к вам, к людям, на землю?

– Бог на небе, зачем ему на землю приходить? Это будет конец света тогда... – Атыр улыбнулся и по его лицу скользнула торжествующая улыбка.

– И ты туда же... Конец света не будет, перенесли, – улыбнулся ему в ответ Рустам. – По телевизору сказали.

Николай улыбнулся и продолжил:

– Да... дело не в конце света. Если вдруг Бог видит, что человечество развивается не в ту сторону, если он видит, что человека просто нужно спасти – в прямом смысле? Что ему делать остается? Только самому прийти... Ведь даже ветхозаветные пророки ещё за тысячу лет до прихода Иисуса Христа не землю предсказывали, что придет мессия на землю, сам Царь, великий и могучий, и спасёт человечество... В него верили, надеялись, что настанет настоящее царство, будет довольная, сытая жизнь, без войн. Надеялись, что сам еврейский народ, который ждал мессию, будет выше всех народов на земле.

– И дождались? – ещё тише спросил Атыр.

– Конечно! Бог приходил на землю две тысячи лет назад, чтобы помочь людям, чтобы избавить людей от грехов, от слабостей, дать им жизнь вечную, – Николай говорил тихо, было даже слышно, как под куполом палатки пищал комар. – Но люди не признали в этом Богочеловеке сына Божия и убили его. Распяли на кресте...

Все притихли. Лишь Андрей, сидя в стороне от стола, делал вид, что спит, хотя периодически открывал глаза и смот-

рел на сидящих за столом.

– А что с этими... с пророками? – спросил Атыр.

– Пророкам не верили, их гнали, убивали. А потом, когда события происходили именно так, как они описывали, многие уже забывали те пророчества. Так и до сих пор мы и живем. Всё сказано, всё написано, только мало... мало кого интересует Истина. Как будто её и нет...

– Ну, истина у каждого... всё-таки своя, – продолжил полемiku Рустам. Я вот... мусульманин. Я хоть и не совершаю пятикратный намаз, но... я... верующий мусульманин, читаю Коран, некоторые суры знаю наизусть. И знаешь, истина... Истина меня тоже интересует. Я вообще человек ищущий...

– Это хорошо, Рустам. Хорошо, что ты человек ищущий. Знаешь, верующий человек сто раз подумает, прежде чем совершить какой-то страшный поступок. У нас всех слушаешь: все такие тихие, спокойные, все верующие. Но как включишь новости по телевизору, страшно становится – кто всё это совершает? Христиане стреляют, католики стреляют, мусульмане стреляют... Страшно. Одно дело, когда родину защищать надо. А когда одни в своей же стране своих же и убивают? Когда миллионы людей вроде бы верующие, но настолько далеко их дела лежат в стороне от веры, что начинаешь сомневаться... А ведь всё... Ведь всё начинается с простого смешка, издёвки такой, смешной и неважной вроде на первый взгляд... Вот как сегодня, да, Атыр? – Николай по-

ставил кружку на стол, словно ставя точку в своем рассказе. Атыр молча смотрел в свою кружку, словно что-то вспоминая, Андрей сидел в стороне от стола, и, казалось, уже спал.

Комар наверху не унимался.

– Андрюха! – позвал Рустам.

Тот быстро открыл глаза, посмотрел на сидящих за столом вопросительным взглядом.

– Спишь?

– Нет. Я слушаю... Я что-то читал об этом, как Бог пришел на землю... Только... я... я ещё некрещенный.

– Как это?

– А вот так. Не крестился ещё.

– А я смотрел на тебя, ты так внимательно слушал... – Николай улыбнулся. – А чего же ты ждёшь?

– Как чего ждёшь? А что вот так просто прийти в храм и сказать, вот – я поверил в Бога? Наверное, нужно действительно поверить... Я не знаю... – улыбнулся Андрей.

Ещё немного помолчали.

– Слушайте, а помните, как в пионерском лагере, когда уже все засыпают, кто-то начинает рассказывать страшные истории? – перевел тему разговора Рустам.

– Помню, помню, мы порой долго так не могли заснуть, – засмеялся Николай.

– А я помню, что страшными были не сами истории, а их странное совпадение со звуками за пределами палатки.

– Это как?

– А, например, кто-то говорит «зловещим голосом»: «И вот они услышали шаги за дверью». И вдруг реально снаружи палатки раздаются звуки шагов, так «хрум-хрум-хрум».... Вот тут всем реально становится страшно.

– А кто это был?

– Как кто? Пионервожатый пришел проверять, спим мы или нет. Он как в палатку вошёл, все под одеяла сразу от страха попрятались.

– Да, у нас тоже было что-то похожее. Только мы не в палатках, а в двухэтажных корпусах жили. Но тоже что-то такое было, помню.

Ещё помолчали.

А комар продолжал пищать, причём ещё громче.

И, наверное, он там был не один.

Внезапно, в абсолютной тишине все услышали какой-то шорох и шаги за стенами палатки. Вместе с шагами было слышно какое-то вялое бормотанье и шараханье. Как будто кто-то пытался в темноте найти вход в палатку и трогал её матерчатые стены около входных полов-дверей.

2.

В палатке воцарилась абсолютная тишина.

Замолкли даже комары наверху.

Свет от керосиновой лампы «дрожал» на лицах сидящих за столом и временами казалось, что дрожат сами лица.

Так «невпопад» сказанные слова про «зловещие шаги за дверью» стали постепенно проникать из сознания в реальность, и от этого становилось немножко не по себе.

– Чего не спится кому-то... уже третий час, – посмотрел на часы Николай.

– Сейчас посмотрим, – привстал из-за стола Рустам.

Вдруг пологи палатки раздвинулись и внутрь пахнуло сначала ночной влажной прохладой, а следом за ней в палатку ввалились сначала двое, а затем ещё один, – по-видимому, разгорячённые молодые люди. Глаза их были возбуждены, казалось, они что-то перепутали. Или перепутали палатки, или территорию фестивального лагеря, или вообще лес и деревню – весь вид их говорил о том, что это явно не артисты фестиваля. У третьего ночного гостя в руках была двухлитровая пластиковая бутылка, по-видимому, с недопитым мутным пивом.

– Ну чо, мужики, – сквозь зубы процедил первый.

– Водка есть? – также сквозь зубы промычал второй вошедший.

– Если есть, наливай, бить тогда не будем, – сплевывая семечки, отрезал первый.

Зрачки у третьего вращались по какой-то неведомой орбите.

– Водки нет, – сухо ответил Рустам. – Чай, пожалуйста, салям алейкум.

– Чо, татарин что ли? – по-прежнему, сплевывая семечки

на пол палатки, продолжал первый ночной гость.

– Татарин. А что?

– Ничего. Так спросил. И чо, вы тут на чае одном сидите? Ведь фестиваль... как говорится, в самом разгаре? – своим торсом он выполнил некоторое круговое танцевальное движение.

– А у нас чай... и вот ещё, – Рустам показал на коробки, – конфеты есть, халва.

– Глянь, Михась, у них халва есть, – злобно рассмеялся второй.

Первый вошедший, это и был, видимо, Михась, – коренастый, невысокого роста, больше смахивал на тракториста, – руки у него были мощные, загорелые и пальцы всё время сжимались в огромные кулачищи. Было похоже, что он «сходил» у остальных за «старшего» этой компании. Михась распрямился, мотнул головой, обвёл глазами палатку, затем стол и сидящих за ним.

– Говорил, я вам, уроды, – оглянувшись на своих друзей, сказал он. – Эти фестивальщики все тронутые. Водки не пьют, девок нет. – Он обернулся к друзьям. – Ё-мое, да это не фестиваль, а гадюшник какой-то. И чего, вам за чаем... самим-то не скучно? – говорил он, обращаясь к сидящим за столом.

– Не скучно, – спокойно ответил Николай. – Когда хорошая компания соберётся, никогда не скучно. И без водки можно посидеть.

– А чо без водки-то сидеть? О чём базарить-то?

– Можно говорить о рыбалке, кто поймал самая большой рыба, – вставил свой голос Атыр. – Можно об охоте...

– О жизни можно поговорить. Об истории. О Боге, – пытался ввести беседу в культурное русло Николай.

– О, слышь, Михась! Они ночью в темной палатке при свечке о Боге говорят! – потирая руки, тонким голосом взвизгнул второй ночной гость, больше похожий на баскетболиста. Он был высокого роста, на полголовы выше Михасы, щуплое, чуть хилое тело, тонкие руки и кучерявые волосы. – Пионерский лагерь какой-то!

– Погодь, Серый. Погодь. Интересно, а чего вы о Боге знаете, чтобы сидеть тут, «перетирать»?

– Мы тут не «перетираем», а... разговариваем. Можем с вами поговорить, – жестом пригласил за стол непрошенных гостей Николай.

– А чего говорить-то? Чего нового вы мне о Боге расскажете? О заповедях что ли? Я их знаю. Не убий, не воруй, это.. не... это – он щелкнул пальцами, – ну, я помню. А ещё что? Что Бог есть, мне ещё бабка говорила, когда я под стол ходил. Только моя бабка по-настоящему верующая была, посты соблюдала, молитвы знала, заповеди. А вы? Вы просто языками почесать хотите? О Боге они говорят... Развелось в последнее время... Все верующими стали... Вы сами-то верующие?

– Верующие, – спокойно отозвался Николай.

– И ты что ли? – Михась кивком головы показал на Рустама.

– Ты мне тут не тыкай, – Рустам привстал из-за стола.

– Ты чо, тоже... этот..., православный что ли?

– Нет, я мусульманин. Могу и в морду дать, не глядя что вас тут трое.

– Михась, я не ослышался, он нас «мордами» назвал? Придётся драться... – тонким голосом «запел» за спиной у Михася второй гость, которого тот называл «Серый».

– погоди, говорю, Серый. Этот идейный. Мусульман трогать нельзя, потом деревню спалят ещё. Я только одного не понял, а как вы тут все такие разные о Боге собрались говорить? Этот мусульманин, этот православный, а этот, – он показал на Атыра, – вообще чукча какой-то.

– Я не чукча, я якут! – громко взвизгнул Атыр.

– Слышь, Серый, он якут! Из тайги вышел, – гости приснули от смеха.

Михась подошел ближе к столу и заглянул в стакан.

– Я не понял... и вправду чай. Та-а-ак. Ну и чего вы тут о своем Боге говорили, интересно послушать? – он ладонью показал, что готов сам присесть за стол, чтобы продолжить разговор.

– Михась, чего ты? Пойдем. Может в другой палатке водка есть, пойдём, – заскулил Серый.

– Сказал, подожди. И водка твоя подождёт. – Михась присел за свободный раскладной стул. – Ну, и чего о Боге-то го-

ворили?

– Каждый говорил о своем понимании веры, каждый рассказывал о том, как пришел к Богу, чем занимается... – Николай пытался вести себя спокойно, но руки выдавали некоторую взволнованность.

– Что делает... – протянул Михась. Он задумался о чем-то. – Я вам одно скажу, сколько вы тут воду не лейте. Мне мать однажды говорит, Мишенька, пойдёшь купаться, надень крестик. А я... – нижняя губа его выпятилась, он весь напрягся, – я говорю, мать... потом... потом. И иду купаться. И так каждый день. Она говорит, надень, а я... потом. И вдруг однажды... – он сглотнул и нервно откинулся на стуле. – Однажды прыгали с мостков, высоких таких, метров десять. Я с них сто раз прыгал, сто раз выныривал. А тут, что с ними стало, не знаю. Залезли с пацаном одним, он жил в соседнем доме... Залезли, чтобы прыгнуть, а мостки под нами и рухнули. Я в воду, парень – насмерть об камни. Кто меня, дурака, именно в этот день дернул этот... этот крестик надеть. А? – он привстал, переводя взгляд на глаза собеседников, сидящих за столом. – Что это, а? Вера? Какой я верующий? Он помолчал. – Я в церкви ни разу не был за двадцать лет. Ну там, крестился, понятно, бабка меня еще малым крестила. Он помолчал. – Так кто меня спас? А?

– Ну ты правильно ставишь вопрос, – начал Николай, – ты видишь в этом не случайность, а Божий промысел. – Поэтому ты и спасся тогда, – добавил Рустам.

– Промысел... – протянул Михась. Я после этого крест не снимаю никогда, – он полез в распахнутый ворот рубахи и продемонстрировал свой нательный серебряный крестик. Ходил на разные дела, везде фартило, везде выкручивался. А кто я есть? Скотина... семьи нет, работы нет... вот водка одна только!

– Михалыч, хорош тут... Пошли. – Серый пытался вытащить Михася из-за стола, дергая его за рукав. – Ты не скотина.

– Нет, я скотина! – не унимался тот. – И ты скотина! Ходишь за мной тут, куда я, туда и ты.

– Куда-а-а-а? Кто за тобой ходит? Сам позвал, пойдём, говорит, фестивальных на водку разведём. Говорил, небось после концерта сидят, квасят – оправдывался Серый. – А я дурак, пошёл с тобой, хотя вон в Орловку... девки звали... вечером. А ты... – Он вопросительно посмотрел на третьего персонажа, но тот только качал головой, и как будто бы в такт голове качались в его глазах тёмные зрачки.

– А ты чего молчишь, Толик? – толкнул Серый третьего друга, затем вновь повернулся к Михасю. – Развёл сам тут разговоры. А я теперь виноват. Тебе только дай повод поговорить... Чего о Боге-то говорить, у нас вон церковь в деревне третий год без попа, служить некому. А знаете почему? – Он обвёл глазами палатку. – Потому что поп сбежал в город, где денег больше платят! Вот так! А вы нам тут о заповедях будете говорить. – Не унимался он. – Пойдем, Михайсь. Ну

их!

– Ну вы так упрекаете священников... может вы сами ведёте чистую христианскую жизнь? – обратился к «Серому» Николай.

– Какою... жизнь? Это... – он показал рукой куда-то в сторону. – Это разве жизнь? Тут в деревне жить нельзя, можно только существовать. Все кругом разворовали, работы нет, жилья нет, один огород и пьянка, какая это жизнь? – угрюмо протянул Серый.

– Я не про деревню вашу спрашиваю, а про вас лично. Вы же упрекаете всех и вся, что плохо верят, плохо служат, что всё разворовали. Сами то вы чего хорошего сделали?

– Чего ты меня тыкаешь? Хорошего сделали... – он задумался и опустил голову. Через несколько секунд он уже поднял голову и как будто и не было никакой паузы.

– Церковь-то... не работает! – быстро и громко выпалил он, прихлопнув ладонями, словно найдя весомый аргумент.

Все улыбнулись. Серый присел рядом с Михасем, и потянулся за кружкой, стоящей на столе.

– Работать никто не хочет, в деревне одни алкаши остались, – попивая чай, продолжал он оправдываться. – А тут вы со своими фестивалями. Видел я, на каких машинах вы тут разъезжали, все из Москвы сюда тянутся. Наворовали в своей Москве, теперь тусуются. У всех планшеты, ноутбуки, твиттеры-шмиттеры. А мы тут... Вы знаете, как мы тут живём?

– Ты давай тут языком не мели, нечего осуждать, коль за руку не ловил. Хочешь с нами сидеть, сиди нормально, хочешь вот чаю налью, – Рустам подвинул к нему кружку с чаем. – Не мы к тебе в палатку завалились, а ты к нам пришёл.

Михась сделал Серому некий знак рукой, как бы остановив его и без того нелепую аргументацию и продолжил разговор.

– Вот ты скажи, – обратился Михась к Рустаму, – ты вот мусульманин, отца своего уважать надо? А, скажи?

– Надо. Мы к отцу относимся всегда с уважением. И к деду.

– Заповедь такая даже есть «Чти отца своего...» – продолжил его мысль Николай.

– Да знаю я! Знаю! А как его уважать... если он пьёт уже двадцать лет? – взорвался Михась. – Как его уважать, за что? Что мать бьёт? Что пенсию бабкину пропивает?

– Ну, алкоголизм, это грех, конечно... – Николай попытался снизить напряженность разговора более тихим голосом. – Всё равно мы же отца любим своего, больной он этим алкоголизмом или здоровый. Это же все-таки отец...

– Отец... Капец это, а не отец! Уехать бы куда, да некуда. – Михась взял кружку и залпом выпил чай.

Поставил кружку на стол, вытер рукавом рот. Все молчали и смотрели на него. Ещё минуту назад этот Михась казался более наглым и жёстким, чем сейчас. Сейчас перед ними сидел другой человек. Человек, который за что-то в своей жиз-

ни переживал. И даже его голос зазвучал по-другому: в нём появилась переживание и жалость к своему отцу и боль за собственную судьбу.

Это уже был не тот Михась...

– Почему некуда ехать? – негромко послышалось из угла. Андрей сидел около входа в палатку и его не было видно за вошедшими. Все посмотрели в ту сторону, откуда слышался голос и куда не доставал еле видимый свет старой керосинки.

– У нас в Ивановской области приглашают рабочих на стройку, жильё дают, – продолжал Андрей. Михась привстал, чтобы увидеть четвертого собеседника в палатке. До этого момента он считал, что в палатке было трое «фестивальных».

– А хочешь, приезжай к нам в Якутию? У нас вообще на одного жителя приходится три квадратных километра тайги – чего хошь делай, охота, рыбалка, леса полно, дом можно строить.... – Атыр не успел договорить, как все трое ночных гостей засмеялись.

– Куда? В Якутию? В тайгу? Ты чего, Якутия?

– Ты зря смеешься, у нас всем, кто приезжает работать, действительно жильё дают в течение года, – еще серьезнее продолжал Андрей.

– Да... дадут, – Михась взял кусок халвы из железной миски. – Догонят, и ещё дадут. Знаю, я... наобещают.

– Почему наобещают? Я сам переехал с Севера в Ивано-

во, жильё получил, жену встретил. Вот, с ней же каждый год сюда и мотаемся...

– И ты тоже... этот, верующий? – Привстал Михась, чтобы разглядеть Андрея получше.

– Да, нет, обычный я. – Андрей пожал плечами.

– А... а я думал, баптист какой. Они тоже часто зазывают к себе. Не знаю... мать бросить... как её тут оставишь одну. Да и бабка пенсию получает, хоть как-то жить можно. Хотя всем в одном доме... не уживаемся мы. Бабка ворчит, мать орёт, отец пьёт... Жуть одна.

– Да, на бабкину пенсию особо не проживёшь, – добавил Серый.

Только третий ночной гость, который так до сих пор и не смог вымолвить ни одного членораздельного слова, продолжал стоять у входа в палатку, размахивая полупустой пластиковой бутылкой.

– Да... – Михась опустил голову. Все переглянулись. Серый уже допил чай и кивал за столом, засыпая. Третий ночной гость нетерпеливо топтался в углу, своими вращающимися глазами показывая товарищам, что, мол, уже пора...

Михась помолчал, потом еще раз протянул:

– Д-а-а-а....

– Ну, у каждого есть выбор. – продолжил Николай. – Бог каждому даёт выбор. Просто мы видим этот выбор, как разные дорожки по земле, а Бог ставит вопрос выбора по-другому: мы должны сделать выбор между Ним и грехом. Вот как

стоит вопрос! И поэтому мы думаем, что выбираем что-то более полезное нам, приятное, вкусное, удобное, комфортное, а на самом деле только отдаляемся от Бога. – Он помолчал. – И что поразительно, этот выбор мы делаем каждый день, каждую минуту. Ну вот что сегодня толкнуло вас ворваться в палатку, требовать водку у незнакомых людей, да еще грозить дракой, хамить тут?

– Да мы и не хамили! – вскипел Михась. – Просто зашли...

– Вот видишь, легче оправдать себя, чем признаться, – продолжал Николай. – В этом-то и состоит наше отношение к Богу: или мы всё время оправдываемся, или честно признаёмся. Если оправдываемся – то отдаляемся от Бога, если честно признаёмся в своих истинных мотивах поступка – приближаемся к Богу. Да, обвинять кого-то всегда легче, так снимается ответственность за собственное бессилие и лень. Жалеть или обвинять своих родных в грехах всегда проще, чем найти эти же грехи в самом себе. Если отец пьёт, например, – он уже обращался к Михасю, который глазами ещё пытался что-то уловить в словах Николая, – можно своим примером как-то воздействовать на него.

– Как? – не понял Михась.

– Просто не пить! Стать нормальным человеком, получить специальность, работу, построить дом, создать семью, – Николай стал загибать пальцы на руке, – жить, как человек! Самому стать настоящим отцом для своих детей! Иначе ты

сам продолжишь этот замкнутый круг!

Михась махнул рукой, но промолчал в ответ. Видимо, где-то в глубине души он понимал *сказанное*. Но именно там, в глубине души, это понимание было легче приглушить, легче было отделаться от него. Но слова были услышаны и теперь отвертеться от них было уже нельзя.

– Мы все в своей жизни встречаемся с Богом. Кто-то как ты, – Николай посмотрел опять на Михася. – Эта встреча произвела на тебя сильное впечатление, но вместо того, чтобы это ощущение превратить в служение Богу и ближнему, ты просто постоянно вспоминаешь и радуешься тому, что Бог тебя любит. Да он всех любит! И последнего разбойника и грешника любит! Но вопрос в том, что *мы сделали для Него*. Что? – Николай опять вопросительно посмотрел на Михася. – Вот какой вопрос вы должны задать себе. И не тухнуть тут, в своей деревне, если тут нет ни работы, ни перспективы. Значит надо ехать куда-то, искать, пробовать себя на новом месте. Не сидеть, не посыпать свою голову пеплом. А искать, искать... И мало того, что нужно устроить свою жизнь, жизнь своей семьи, нужно сделать что-то в своей жизни для Бога, для людей. Просто так. Не ожидая никакой оплаты, никакой выгоды. Вот о чём нужно думать... А у вас пока, извините, все мысли... – Николай помолчал. – Где достать водку. Вот и всё.

Михась опустил голову.

Прошла ещё минута тишины.

Только за стенками палатки еле слышно трещали ночные цикады.

– Чего ты мне тут шнуруешь? Чего ты меня тоже записал в свою церковь, такой правильный? – Серый вдруг поднял голову и попытался защитить «сдавшегося» друга. – Я никуда не собирался, у меня родители тут работают, бабка старая, пенсию получает. Я ей помогаю... И никуда я не поеду! А насчет этого, – он щелкнул себя по шее, – ну выпиваем иногда, бывает круто. Но утром, всё-ё-ё! Без запоев стараемся, без особых последствий. Так что, философы, вы нас тут не учите, как жить. Мы и сами. Да? – Серый обратился к Михасю. – Мы тут сами сообразим, да, Михалыч?

– Толик, ты чего всё стоишь, как столб. Сел бы! – Михась обратился к третьему ночному гостю, который всё это время стоял рядом со столом, глядя на присутствующих и теребя полупустую бутылку. – Ты чего скажешь?

– А чо говорить? Мне ваши философии по барабану...

– Во! Вот человек! Закончил институт, знает языки... и работает в колхозе у нас. Муху пальцем не обидит. Вот человек! Толик, ты верующий?

– Чего я дурак, что ли?

– Атеист, значит?

– Не-а.

– Это как?

– А так.

– Ну, ты все-таки крещённый?

– Крещеный, ну и что?

– Ну, как что? Раз ты крещеный, значит верующий!

– Не-а. Я этот... ещё не определившийся! Я в середине!

– Во, Толик, умница. Вот, он в середине! – Серый обвёл глазами всех сидящих за столом. Правильно, Толик. В церковь мы всегда успеем, это... на свои поминки!

Серый громко захохотал и откинулся на стуле.

– Ну насчет поминок, конечно, успеете, – продолжил спокойным голосом Николай, как бы не замечая едких усмешек гостей. – Но вот хорошо бы при жизни успеть найти согласие с Богом. Потому что есть опасение, что можно попасть совсем в другое место. После такой жизни... И потом, вспомните, когда мы крестимся, мы ведь обещаем Богу соблюдать заповеди, отрекаемся от греха...

– А кто меня спрашивал, когда крестил? Я ещё под стол лазил, вот таким, – Толик показал на свои коленки.

– Никто, конечно, тебя не спрашивал, – еще тише сказал Николай. Тебе дали Крещение, как Дар, а ты теперь отворачиваешься от него. Хоть бы не разбрасывался тем, что многие с таким трудом получают... Он медленно поднял глаза на Толика и внимательно посмотрел на него. Глаза Толика вдруг остановились в своем круговом движении и поникли вниз. Он как-то неестественно хмыкнул, перехватил пустую бутылку в другую руку и затих.

– Ладно, разговор затянулся, – устало сказал Николай и начал убирать кружки со стола. – Давайте на этом и закон-

чим. Жизнь всё расставит по местам.

– А ты давай не пугай! – опять взорвался Серый. – Мне бояться нечего. Я никого не убивал, не насиловал. Живу, как нормальный мужик, никого не трогаю. Чего мне бояться?

– Все под Богом ходим, не надо так говорить, – услышался голос Рустама. – Слушайте, мужики, надо расходиться, уже почти три часа ночи, завтра ехать.

Стали вставать из-за стола.

Серый ещё чего-то бурчал негромко себе под нос, Николай взял чашки со стола.

Михась развернулся к Андрею, который сидел за его спиной, около выхода.

– Так это... слушай, оставь телефончик, а? Может, вдруг приеду... Ха! – он улыбнулся во всю ширину своего лица, – может притащусь в ваше Иваново, не в Якутию же... к этим тащиться! Пиши! – и он протянул Андрею какую-то зажеванную бумажку.

Андрей написал и вернул бумажку владельцу.

– Вот! – Михась засунул мятую бумажку в карман рубашки. – Поеду в Иваново, что ли! Пацаны! – он толкнул Серого, который уже спал, подложив под голову руки. – Пошли, Серый. Пошли-и-и-и! – Он подтолкнул его так, что тот стал сползать со стола! – А Ива-но-во го-род невест! – затянул песню Михась, потом резко оборвал и ещё раз толкнул Серого. – За водкой пошли!

3.

В этот момент где-то на улице раздался свист. Это был не тихий, приглушенный, а сильный, мощный свист, как будто опытный охотник звал кого-то. Или шёл по следу.

Затем свист раздался во второй раз. Следом за ним из соседней палатки раздался отчаянный женский визг и крики.

Матерчатые стены вдруг сотряслись от того, что кто-то видимо с разбегу налетел на палатку, в которой сейчас сидели уже довольно испуганные и усталые собеседники. Рустам привстал, но довольно неудачно: стол стал заваливаться вбок, Атыр не удержался на стуле и опрокинулся назад. Было странное ощущение: ещё было непонятно, что происходит снаружи палатки, ещё ничего не предвещало каких-то событий, а внутрь палатки «вошёл» страх.

И непонятно было, почему вдруг стал заваливаться стол, почему Атыр вдруг стал падать назад – ведь еще ничего не произошло? Или произошло? Михась поднял голову, открыв рот, Серый задвигал ушами, пытаясь прислушаться к возне снаружи.

В этот момент полы палатки распахнулись и в палатку влетел невысокий человек в черном спортивном костюме и капюшомом на голове. Он остановился, тяжело дыша и вдруг все увидели в его руках блеснувшее лезвие ножа.

Дальше всё произошло за считанные секунды.

– Ну? Твари, деньги на стол. И тихо! – шипящий голос черного костюма ввёл всех в состояние ступора. Рустам, пытаясь поднять завалившийся стол, опять привстал, но понимая, что в два-три шага ему не преодолеть расстояние до входа в палатку, не перепрыгнуть и не обежать стол, остался полусидя-полустоя, как бы готовясь к прыжку. Николай стоял справа от стола, – он только успел сесть обратно на стул и поставить кружки на стол. Звук металлических кружек через секунду после того, как в палатку ворвался этот страшный посетитель, произвел ужасающий эффект: всем показалось, что что-то с дребезгом упало. Все вздрогнули ещё раз.

Вздрогнул и Атыр: он еле удержался, поднимаясь после падения, одной ногой стоял на колене, и только поднял удивлённые глаза на ворвавшегося в палатку, пытаясь сообразить, чего хотел этот черный шипящий гость с ножом в руке.

Ночные гости, Михась, Серый и Толик были вообще явно ошарашены нечаянно влетевшим персонажем. Михась, инстинктивно сделав шаг назад, нагнул голову, приглядывался к нему, пытаясь понять, кто из его, деревенских дружков затеял такую опасную игру с ножом, но не мог признать в этом черном костюме своего.

Серый тоже пытался вспомнить, кто бы это мог быть. Он отпрянул назад, но и через две секунды не мог признать знакомого в этом черном костюме. Толик тоже испугался, зрачки глаз уже не вращались, он лишь сделал шаг назад от стола в глубину палатки, и уже был готов бежать.

Всё произошло быстро.

В один миг.

Именно в тот самый миг, который был так необходим всем, чтобы принять единственное верное решение в данный момент. И в этот миг невообразимым движением над черным костюмом выросла фигура Андрея. Когда он сидел, мало кому казалось, что он такого высокого роста. Теперь, когда он резко встал, скручивая руки этому опасному гостю, казалось, что он был выше всех ростом. Человек в костюме гибко вырвался, отпрыгнул назад и выкинул руку с ножом в сторону Андрея. Тот попытался вывернуться, задел ногой какой-то чемодан, стоявший тут же, около входа, но дотянулся до руки, крепко сжимавшую нож. Рука выскользнула и тогда Андрей всем телом набросился на него. Послышалось сильное частое дыхание и звук борьбы. Что-то хрустнуло, и голова в черном капюшоне с злобным шипением застыла в крепком объятии рук Андрея. Следующим движением черный костюм крутанулся в его сильных руках и попытался нанести ему удар. Руки Андрея ослабли, и они вместе, не удержавшись, рухнули на земляной пол палатки.

Все бросились к ним, Атыр в последний момент оттолкнул ногой упавший нож в глубину палатки.

Ещё через несколько секунд в палатку вбежали «фестивальщики» из других палаток. Человек в костюме был усажен на стул и привязан к нему веревками, которые кто-то тут же сообразил вытащить из рюкзака.

В это время две девушки, чьи голоса еще две минуты назад фальцетом разрезали темную ночь, волнуясь и дрожа всем телом, быстро перевязывали рану на животе у Андрея. Скручивая руки ночному бандиту, Андрей получил удар ножом в живот и теперь лежал на спине, прикрывая рану рукой. Вокруг него толкались все, кто мог, пытаясь хоть чем-то помочь ему. Он был в сознании и пытался даже встать, но быстро слабел от потери крови.

Через полчаса, расталкивая любопытный народ у палатки внутрь прошли врачи скорой помощи. Андрея положили на носилки, сделали обезболивающий укол и увезли в местную больницу.

Ещё через полчаса на место событий на двух машинах приехал полицейский патруль. Одна машина увезла в известном направлении человека в чёрном костюме, который смотрел на всех исподлобья своими мутными глазами. Выходя из палатки, он пытался что-то говорить, но речь его была бессвязна и непонятна.

В эту ночь обитателям палатки уже не удалось поспать – до утра они отвечали на вопросы полицейских и до мельчайших подробностей рассказывали детали этой злополучной ночи.

Лишь только три странные тени, воспользовавшись минутой между событиями, тихо прошли между палатками и растворились в ночной тиши леса в сторону деревни. На вопросы следователей пришлось отвечать только троим из при-

сутствовавших на ночных посиделках после фестивального концерта.

Утром стало ясно, что в эту злополучную ночь был ранен не только Андрей. На входе в фестивальный лагерь был тяжело ранен охранник: он пытался остановить этого неизвестного в черном капюшоне, который явно находился в состоянии наркотического опьянения.

Охранник, видя это, не поверил уговорам и не пустил его в лагерь этой ночью, за что был ранен в грудь – бандит вроде бы отвернулся, готовясь уйти, а потом, резко развернувшись, пырнул охранника ножом.

Что было целью этого человека в черном костюме, так и осталось неясным. Ворвавшись в одну палатку, он до ужаса перепугал спавших там женщин, а ворвавшись во вторую палатку, получил отпор от Андрея.

4.

Они встретились в больничной палате у Андрея через несколько дней. Та страшная ночь соединила судьбы этих людей, они чувствовали себя словно соединенными теми страшными ночными событиями после фестиваля. Теперь они вспоминали и «яркое» окончание фестиваля и разговоры о вере и судьбах своих деревенских друзей, так бесцеремонно ворвавшихся в палатку в ту ночь, и эти страш-

ные несколько мгновений, когда Андрей шагнул первым навстречу опасности – всё это сложилось в единую картину.

Теперь они думали только об одном: чтобы их друг быстрее поправился и вышел из больницы.

Николай, Рустам и Атыр не уехали по своим городам, а остались в московской квартире Атыра, благо там нашлось место для всех.

Андрей уже шёл на поправку, рана оказалась неглубокой, внутренние органы были не задеты. Теперь они снова были вместе – друзья приехали навестить его в больницу и оживленно обсуждали прошедшие события.

– Нет, слушай, ну в какой же момент он успел тебя достать? – не унимался Рустам. – Я прикидывал, что за пару прыжков мог бы достать его, но я успел только подумать об этом, а ты уже валил его на пол.

– Да, я тоже хотел побить его, – весело поддакивал Атыр.

– Ребят, всё нормально. Всё закончилось хорошо, слава Богу, – успокаивал всех Николай. Он присел на край кровати к Андрею и в этот момент больше всех был похож на врача. – А эти-то, слушайте, гости наши ночные, Михась, Серый и этот, как его... Толик, – как растворились сразу после приезда милиции, как дым!

Все улыбнулись.

Они ещё долго пересказывали друг другу свои ощущения тех коротких секунд, которые отделяли их от момента, когда они сидели за столом и разговаривали...

Андрей незаметно пододвинулся к Николаю:

– Я не хотел всем рассказывать, Коля, ты помнишь, о чём мы говорили, тогда... в палатке. Помнишь, о чём этот парень рассказывал, о мостках, когда он чуть не погиб. Не знаю, поверишь ли... Я же среди вас получается был один такой... неверующий. Даже этот Толик, дурной этот... с бутылкой, представляешь, даже он был крещёным! Меня тогда это прямо разозлило как-то... Мне всегда казалось, что свою веру нужно... ну, выстрадать что ли, найти, обрести. А не так просто, пошел и крестился...

– Да ладно, ты молодец, Андрей, просто герой. Кинулся...

– Да какой герой? Меня как будто кто-то подтолкнул. Я даже испугаться не успел. Словно какая-то сила подняла меня и на него бросила. Еще минуту назад, перед тем, как этот... влетел с ножом, я уже решил креститься, – ну... как услышал... этого... Толика, как он себя «посерединке» определил. Страшно стало, что и я такой же. И прямо так сильно захотелось наконец креститься, как будто в тот момент я точно понял, где я и с кем хочу быть. Я, знаешь, именно такого ощущения ждал, чтобы... изнутри всё было... по-настоящему. И тут, как только я это решил – этот нож вдруг передо мной блеснул. Как будто меня не пускают, туда куда я решил, представляешь? Я даже очнуться не успел... Даже страшно не было...

– Так ты решил креститься?

– Да, Коль. Теперь уже решил точно.

– Ну что же. Это правильное решение. Ты и сам говорил, что нужно обрести свою веру, выстрадать.

– Да не говори... Я, когда ещё с вами в палатку пошёл, об этом даже не думал. А там, в палатке, за несколько секунд всё в голове переменялось что ли... И потом... знаешь, мне тут врач сказал, когда я после операции очнулся.

– Что сказал?

– Да он сказал, что лезвие в миллиметре от артерии прошло. Ещё миллиметр вправо и всё. Мог бы потерять столько крови, что всё...

– Да ладно...

– Вот тебе и ладно. Бог меня спас... Спас. – Андрей прикрыл глаза рукой, чтобы не видно было выступивших слез.

– Ладно, Андрей, не переживай. Раз уж решил, теперь уже нечего переживать. Выйдешь из больницы, вот позвони знакомому, он там в Москве, всё устроит. – Николай протянул визитку Андрею.

– Спасибо тебе, Николай. Спасибо.

Друзья чего-то оживлённо обсуждали за дверью палаты. Временами слышался хохот и смех, но между знакомыми голосами раздавался какой-то новый голос, которого Андрей не помнил.

Он, опершись на Колю, вышел вместе с ним из палаты. В коридоре стояли Рустам, Атыр и Михась, – тот самый Михась, который был тогда, в тот злополучный день в палатке.

– Привет, а ты как оказался тут?

– Как? Сам меня в Иваново позвал! А Михась не забывает... Я позвонил, они говорят, приезжай. Вот пришел за тобой... Ну, когда поедем?

– А как же твои... друзья? Как же Серый? Толик?

– Да, мужики остаются, Толик в тот день ногу сломал, так бежали, так бежали, торопились, через болото, по лесу, напрямки, что дерево не заметил на поляне. А Серый, кстати, пить бросил, поехал в город, устроился работать на завод. У него сеструха там в городе живет, он к ней и перебрался. Вот к Толику иду, он тут же в соседнем корпусе лежит. В гипсе, забинтованный. Бегун наш... Всегда хвастался, что хорошо бегает. А у тебя как тут дела?

– Да вот видишь, живой и здоровый. Шов только затянется и всё. Поеду домой. Ты не жди меня, езжай сам, я еще на неделю тут задержусь, видимо, – Андрей погладил забинтованный шов.

– Да...

– А классно мы тогда у вас в палатке посидели?

– Да, классно... посидели, – друзья переглянулись.

– Ну что, по домам? В следующем году «Поколение» на июнь перенесли. Говорят, чтобы посветлее было, прожекторов меньше нужно. Я со своими приеду опять, – сказал Николай.

– Ну, я тоже буду, – поддержал его Рустам.

– Ну, если все, то и я приеду. Без шамана нельзя, а кто будет северного оленя показывать? – улыбнулся Атыр.

Проводив ребят, Андрей вернулся к себе в палату, и сел на стул около окна, чтобы видеть, как по больничной дорожке, засаженной молодыми елями, что-то весело обсуждая, удалялись его друзья.

Солнце заходило за дома, и в воздухе всё сильнее чувствовалось приближение наступающей холодной осени. Ребята шли, перекидываясь, видимо, какими-то смешными воспоминаниями и было только видно, как Атыр взмахивал руками, а Рустам уговаривал его быть потише. Николай шел чуть поодаль, что-то на ходу объясняя Михасю. Да и его этого коренастого парня уже трудно было назвать Михасем – в нем чувствовалось спокойствие, уверенность, и какая-то неведомая, скрытая до сих пор сила.

Он уже был больше похож на Михаила.

История вторая

БИТВА

«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им».

(Исход 20:4-5).

1.

Роман Пивоваров очень любил пиво. Ну и как не любить, если сама фамилия так крепко их связала?

Раз – и на всю жизнь...

Правда, понял он это, когда повзрослел.

Пацаном он и не задумывался серьёзно о своей фамилии, сказать больше – временами он даже её стеснялся.

В то время, когда закончились детские дразнилки, а взрослая жизнь ещё не совсем наступила, самым острым ощущением было чувство страха и опасности, которое каждый раз «накатывало» в тот момент, когда он с друзьями перелезал через забор местной пивной.

Пивная располагалась под открытым небом, на окраине района. Твёрдо сжимая в кулаке заветные пятнашечки, он закидывал их в пивной автомат. Войти с парадного входа не получалось, – у входа на двух стульях сидела зоркая, но неповоротливая тётя Дуся, которая внимательно следила за тем, чтобы отдыхающие после трудового дня граждане в пивной были старше двадцати одного года. Всю территорию пивной по причине своего огромной «значимости» она оглядывать не могла, и Ромка с пацанами прятались в дальнем углу, сдвигая кружки и подставляя под ноги старые ящики, стоявшие тут же.

Так, стоя на ящиках вокруг грязного стола, они казались выше своего роста, и походили на «нормальных мужиков». Взрослые любители пива, конечно, замечали их, но, погрозив кулаком, улыбались их находчивости и... не сдавали тёт-

те Дусе.

Ромке тогда было около семнадцати.

Чудеса автоматизации: советские пивные автоматы шипели, гудели, но выдавали честные пол-литра янтарного напитка в помытую тут же стеклянную кружку с толстой, массивной ручкой. Ромка пил пиво, морщась от горечи, но пил, будто осваивая характер и новые привычки уже почти взрослого мужчины. Это были как раз те ощущения, которых ему так не хватало в семье.

Отец Ромы, принося домой к празднику бутылку вина с красивой этикеткой, жёстко и твердо напоминал сыну о том, что тот ещё не дорос совать свой нос во «взрослые дела». Ромина мама тоже постоянно напоминала ему о том, что он ещё ребенок и «этого ему нельзя».

И этого.

И этого...

И вообще – нужно думать об учёбе!

А Рома не хотел думать об учёбе! Он хотел думать о взрослой жизни, о своей будущей работе, о том, сколько он будет зарабатывать и сколько таких бутылок с красивыми этикетками он сможет себе купить. Да, Рома мечтал о взрослой жизни, и эти нередкие вылазки за пивом лишь только укрепляли его веру в то, что взрослая жизнь вот-вот наступит. Ну, совсем скоро...

Была в Роминой мечте ещё одна ступенька к взрослой жизни: он любил собирать яркие наклейки и этикетки: пря-

моугольные простые от винных бутылок, неправильной формы с золотым тиснением – от бутылок с импортными коньяками, яркие вкладыши от жвачек, импортных конфет... Некоторые этикетки отдавал отец, некоторые Рома выменивал у друзей и одноклассников. Позже, когда коллекция этикеток стала весьма внушительной, Рома начал коллекционировать жестяные банки от колы и пива, которые кто-то из взрослых привозил из-за границы.

Банки были с яркими, красивыми этикетками, одна лучше другой; и на ромкину коллекцию регулярно приходили «поглазеть» друзья и приятели. Рома гордился своей коллекцией и постоянно пересчитывал свои «раритеты».

Но коллекция эта недолго оставалась столь ценной.

Через пять-шесть лет в стране наступила перестройка, и подобные «раритеты» уже открыто продавались во всех киосках и палатках на каждом шагу. Рома радовался этому и верил, что перестройка наконец-таки достигла своей цели, – ведь пивом, колой, пепси и другими напитками в красивых жестяных банках были «завалены» все магазины. Во время очередного ремонта в квартире Ромина мама убрала все банки в коробку и вынесла на балкон.

Рома вырос, закончил школу, поступил в институт и про свою коллекцию уже не вспоминал. Пивную на окраине района сломали, и на этом месте построили торговый центр «Электронный рай».

Тут и закутилась настоящая, взрослая, интересная жизнь, о которой Роман так долго мечтал...

Страсть Ромы к красивым банкам, этикеткам и упаковкам переросла в любовь к хорошим, красивым вещам. Особенно вещам фирменным, брендовым. Повзрослевший Роман поступил на продюсерский факультет института культуры и считал, что настоящий продюсер начинается со стиля, – нужно стильно выглядеть, быть хорошо одетым, окружать себя стильными вещами.

Он покупал модные мужские журналы, долго рассматривал, выписывал торговые марки одежды и цены, и потом, на городской барахолке, заказывал вещи с лейблами своим друзьям-фарцовщикам. Что-то удавалось доставать, на что-то всегда не хватало денег.

Но главное Роман усвоил быстро: хорошие марки всегда стоят дорого.

А тем временем, старые привычки долго «не расставались» с Романом. Вместе с новыми друзьями, после очередных «культурных» занятий, Рома продолжал посещать «стильные», – как говорили тогда, – культовые заведения, совсем не похожие на ту, старую пивную на окраине города. Эти заведения прямо-таки «дышали» стилем, выдержанностью обстановки, красотой одетых девушек и неизменной стильной музыкой, как тогда говорили «из-за бугра». Но между всей этой выдержанной стильной обстановкой, когда уже не хватало денег на дорогие, с яркими названиями кок-

тейли, Ромкины друзья расслаблялись простым, но импортным пивом, а когда деньги заканчивались, – простым и дешевым пивом.

Теперь бутылка пива стала его постоянным спутником, перелезть заборы и опасаться было уже некого, – бутылку пива можно было купить всегда и практически везде: с бутылочки холодного «Туборга», купленного в палатке по пути в институт начинался новый день, бутылочкой «Старопрамен» заканчивался. Либо заканчивался походом в ночной клуб с друзьями, где были и «Туборг» и «Хайниккен» и «Старопрамен» и ещё много разных сортов и наименований. Качество пива часто можно было узнать по этикетке, – порой стильные и красивые рекламные ролики вполне соответствовали хорошему вкусу и аромату напитка. Рома уже не собирал наклейки, – достаточно было просто запомнить бренд компании и всё остальное откладывалось где-то в уме: этикетка, вкус, горечь, крепость, аромат...

С некоторых пор он уже перестал считать, сколько было выпито за день, за вечер... Сколько заказали кружек в клубе, сколько допили дома, сколько стоит в холодильнике. Его тянуло не просто выпить, – он убеждал себя, что настоящий «Пивоваров» должен разбираться в своём предмете, поэтому пробовал, пробовал, искал и снова пробовал новые марки.

В эти годы Рома, так сказать, «формировался», как своеобразный эксперт по импортному пиву. К напитку российского производства он относился с иронией, считая, что на-

стоящее пиво могут варить только в Баварии или в Праге. Самой главной его мечтой во время учёбы в институте была поездка в Германию на знаменитый пивной фестиваль.

На последнем курсе Роман неожиданно для преподавателей, стал относиться к пенному напитку сквозь «научную призму»: через культуру потребления пива в разных странах, он изучал народные традиции, историю и культуру стран. На эту тему Роман даже начал писать дипломную работу, и его преподаватели, пряча улыбку и тайком посмеиваясь, всё-таки помогали ему с материалами и даже подсказывали некоторые мысли. В общем, всё было серьёзно, и даже его девушка, Елена, которая возникла на «восходе» его «головокружительной карьеры» продюсера, вполне серьёзно относилась к его «пивным» увлечениям.

Правда, скоро она поняла, что иногда весёлые и незатейливые увлечения «вырастают», на самом деле, из слабостей. А слабости бывают и не такие уж весёлые...

Итак, институт культуры был окончен, диплом с грехом пополам получен, но с работой после института пришлось туго: в серьёзные компании устроиться без блата было невозможно, а в простые служащие идти было неохота.

Должность простого менеджера по рекламе позволяла как-то сводить концы с концами, тем более, что родители уже «просто так» денег не давали.

Приходилось выкручиваться. Пиво по-прежнему занимало какое-то почти центральное место в его жизни – пятнич-

ные посиделки «после трудовой недели», пивные вечеринки в клубах, просто «пришли друзья пива попить», корпоративы, которые заканчивались, как правило, ближе к утру глубоким похмельем. На работе в торговом центре, куда Роман с трудом устроился, это никак не отражалось: Роман научился утром держать себя в порядке, и до обеда старался не употреблять.

Ну, если только всего одну баночку.

Свою любовь к пенному напитку он постоянно объяснял (или оправдывал?) двумя очень серьёзными для самого себя аргументами: сама фамилия давала понять, что он должен быть не просто потребителем пива, а его ценителем, знатоком, экспертом...

Второй аргумент был ещё сильнее. Он знал о пиве всё: заводы, которые выпускают, страны, где находятся заводы, марки и сорта, крепость напитка и его оттенки, он много читал о процессе пивоварения, знал всё о европейских пивных фестивалях, о пивных традициях и привычках. Словом, он считал себя почти «искусствоведом» в пивной отрасли, если такие вообще бывают.

Женившись рано, Роман тем не менее уже к двадцати четырём годам имел за спиной высшее образование и небольшой опыт работы. Жена Романа, Елена, занималась журналистикой, часто выезжала в командировки, поэтому первые годы совместной жизни практически не омрачались семей-

ными ссорами, переходящими во временное любвеобильное перемирие. К его взаимоотношениям с алкоголем Елена относилась спокойно, она всегда повторяла: «Главное, чтобы не каждый день». Но «не каждый день» спустя несколько совместно прожитых лет превращался в «почти не каждый». Например, зная заранее о завтрашнем корпоративе, Роман мог потерпеть (ну приходилось терпеть!) один денёк без пива.

В магазинах, у полок с пивом, он часто ловил себя на мысли: «Сегодня хорошо бы не брать, вчера выпил прилично. А?» Но внутренний голос сходу «сбивал» едва уловимый соvestливый позыв: «А чего это сегодня не брать-то? В честь чего сегодня не брать? Надо брать!» Так, из семи дней недели без пива набирались, как минимум, один-два дня, и поэтому Роман спокойно и решительно отвечал на выпады жены, что – не каждый!

Она улыбалась, но лишнюю, на её взгляд бутылку всё же убирала подальше от мужа. Такие «прятки-перепрятки» со временем превратились в своеобразную семейную игру: она прятала – он находил. Это доставляло обоим много положительных эмоций, но вскоре начало раздражать Елену.

Роман в эти лучшие, как он считал, годы был полностью погружён в работу. Его любовь к ярким брендам, торговым маркам, этикеткам плавно перетекла в любовь к рекламной отрасли, которой он с радостью отдавался на работе. Начинаясь раннего Пелевина и позднего Огилви, он с радостью

погружался в процесс творчества: любил придумывать слоганы и рекламные девизы, новые торговые марки, названия. Но большая часть того, что придумывал Роман на рабочем месте для непосредственной работы не годилась: его заставляли оформлять дешёвые вывески торгового центра, сочинять очередные приглашения на скидки в стихах, организовывать раздачу купонов. Такую работу он считал неинтересной, глупой, потому что видел, что на серьёзную рекламную кампанию у руководства торгового центра не было средств. Все средства уходили на очередную новую марку престижного автомобиля для директора центра, на котором тот приезжал на работу, на глазах у своих подчиненных.

Роман «мстил» руководству по-своему: на обед он уходил из торгового центра в соседнее кафе, где спокойно мог позволить себе пару бутылочек хорошего пива, а после звонил в отдел и отчитывался о поездке по делам. Он считал, что ему платят такую мизерную зарплату только за то, что он приходит на работу, а за саму работу, думал он, должны ещё доплачивать.

Поэтому, когда Роману сделали предложение прийти на встречу в отдел кадров нового пивного завода в Москве, он сразу же согласился.

– Судьба, – подумал Роман.

И откупорил очередную бутылочку пива.

В понедельник утром Роман приехал по указанному адресу. Это было небольшое полутёмное кафе со столиками в цвет шоколада. Он приехал заранее, присмотрел столик, позвал официантку, чтобы заказать кофе.

– У вас какой сорт молотого кофе? Жардин или Мауро?

– У нас Лавазза, для кофемашин.

– О, хорошо. Мне американо, только покрепче.

Помешивая маленькие кусочки тростникового сахара, Роман вдруг задумался: «Почему отдел кадров устраивает встречу не у себя в офисе, а в каком-то кафе в центре города?»

Через минут пятнадцать к столику подошла женщина в ярком, но почти деловом костюме:

– Вы Роман Пивоваров? – она грациозно опустилась на стул.

– Я. А вы значит Анжела?

– Да. Я хочу сразу ответить на вопрос, почему мы встречаемся не на нашем производстве: у нас очень сложная система допусков на завод, поэтому первую встречу мы проводим тут. Следующая – если у нас с вами, – она строго посмотрела на Романа, – все пойдёт в правильном русле, будет у владельца завода. У нас есть очень серьёзная вакансия, не знаю, сможете ли вы подойти под эти требования. Ну, расскажите о себе, – Анжела подняла руку и через три минуты на столике стояло уже два кофе. – Где вы сейчас работаете?

– В Раю.

– ... Это как?

– «Электронный рай», торговый центр. Руководитель отдела рекламы.

– А... хорошо. Но я нашла ваши работы по новым торговым маркам на каком-то сайте в сети, сейчас не помню. Мне понравились ваши работы, я не знала, что вы занимаетесь немного другим. Это же уровень креативного директора, а не руководителя отдела. Вы сможете показать нашему директору свои работы?

– Да, конечно, могу показать на планшете, но здесь только некоторые мои работы. – Роман подвинул планшет к Анжеле, открыл несколько страниц его интернет-портфолио и стал рассказывать о своих работах, об идеях новых торговых марок, рекламных кампаний, которые он разрабатывал для одной компании, для другой... Он листал страницы портфолио, говорил и мельком пытался увидеть её глаза. Но её глаза ничего не выдавали. Строгий и требовательный взгляд, уверенная речь, точные движения рук, – она молча посмотрела работы и захлопнула обложку планшета.

– Ну, что же. Отправьте эти работы мне на электронную почту. Ваше резюме я внимательно изучила, у меня только один вопрос к вам. Почему вы ищете работу? Что мешает вам это всё, что вы показали мне сейчас, реализовать в своём, как вы сказали... «Раю»?

– Как вам сказать, – Роман помедлил с ответом. – Надоело

жить под копирку. Всё, что мы делаем, директор копирует у конкурентов. Они видеопанель ставят – и мы ставим. Они промоакциями замучили всех арендаторов, и мы идём тем же путём. Творчества нет! Один план на год. Одна зарплата и никаких премий, надоело... – Роман допил кофе и бросил в пустую чашку скомканную салфетку. – Хочется творчества, хочется чего-то нового...

– Да, – протянула Анжела. – Творчества я вам сколько угодно обеспечу, смотрите, выдержите ли вы... Впервые её глаза хитро улынулись и пристально посмотрели на Романа. – Давайте, высылайте сегодня работы, и во вторник приезжайте на встречу к Адоевскому. Это наш шеф, владелец завода. Игорь Арнольдович Адоевский. Теперь главное, – сегодня на мой мейл пришлите копию паспорта, чтобы завтра вас впустили на завод. Вот моя визитка, завтра жду вас.

Она ловким движением засунула под блюдце сторублёвую банкноту и, быстро встав, зашагала к выходу.

3.

Приехав по указанному адресу, Роман не сразу понял, где именно находится завод. Когда, входя в проходную, он смотрел по сторонам, ничто не указывало на то, что это – территория пивного завода. Он представлял себе высокие башни-чаны, где отстаивается напиток, какие-то трубопроводы... Ничего подобного он не увидел.

На проходной ему дали электронный пропуск и впустили в следующую комнату. Комната была больше похожа на лифтовый холл. Строгий охранник нажал кнопку лифта, двери открылись, и Роман со своим молчаливым спутником поехал... вниз.

Завод был действительно уникальным.

Лифт ехал вниз на четвертый уровень, и пока ехал лифт, Роман судорожно старался понять, а где же сам завод? Под землёй? Или тут только офис? Охранник что-то жевал и молча смотрел на мигающие кнопки. Лифт остановился, и они пошли по коридору. Открылась первая дверь, за ней вторая. К каждой двери нужно было подносить брелок-пропуск, который выдали на охране. Внезапно Роман почувствовал сырость и сильный запах ванили. Третья дверь действительно привела в огромный подземный цех, в центре которого между двумя огромными белыми металлическими баками стоял высокий мужчина в идеально белом халате.

Это был директор завода, Игорь Арнольдович Адоевский.

– А-а-а, молодой и подающий надежды юноша... – Игорь Арнольдович изучал показания какого-то прибора и даже не повернул голову в сторону Романа.

– Добрый день, Игорь Арнольдович, – Роман решил, что перед этим человеком нужно выглядеть как можно серьёзнее.

– День-то там, наверху, молодой человек. А у нас тут постоянная ночь. «Ночь пожирателей рекламы». Ведь вы лю-

бите эти рекламные ночные ролики, да? Скажите, да? Любите?

– Ну да. Хожу, смотрю.

– Отлично! Ну и что вам нравится в коллекции Бурсико?

– Нравится реклама Хайнеккен, Гиннес, Туборг. У них хорошие креативщики, свежие идеи, необычные ходы.

– Вот. Вот! Мне нужны именно такие! Уроды, пишущие бумаги, планы и бюджеты мне не нужны. Они и так у меня есть в избытке, – Игорь Арнольдович подошёл к другой огромной белой ёмкости и посмотрел показания приборов. – Мне нужны таланты! Таланты, которые смогут создать чудо! Деньги я могу заработать и без вас! Мне нужны не деньги! Мне нужно Чудо! – Адоевский то возвышал голос, то начинал говорить зловещим шёпотом.

– Это будет шедевр моей будущей коллекции. Знаете, молодой человек, сколько я вложил во всё это? – Он обвёл глазами цех. – Смотрите, смотрите, это двадцать первый век пищевой промышленности, это уникальные технологии, чистойшей вода прямо из-под земли, уникальное оборудование очистки спирта, рецептура, которая не снилась даже кока-коле. Это... это... это победа, молодой человек. Когда мы выпустим этот напиток, рынок будет повержен! Рынок этих напитков будет убит! Никакой «Ред Бул», никакой «Ягуар», никто не сможет победить нас!

– А разве... разве вы выпускаете не пиво?

– А-а-а, точно. Вспомнил. Твоя фамилия Пивоваров? – Игорь Арнольдович рассмеялся, громко и раскатисто. – Точно, с такой фамилией тебе нужно варить пиво. Ну, ничего. Ничего... Понимаешь, э...

– Роман.

– Понимаешь, Роман. Пиво – это вчерашний день. Это громоздкая конструкция емкостей, фильтрация, ферментация, выдержка, настаивание, созревание, пастеризация... Это такая... Такая... Понимаешь, пиво – это напиток слабых людей. А мы... – он вскинул брови и посмотрел куда-то вверх – мы будем делать напиток для сильных. Понимаешь, о чём я?

– П-понимаю.

– Ты же знаешь, лучшая реклама – это провокация! Мне как раз и нужна такая провокация, шум, обсуждение, возня журналистов, суды и разгромные статьи. Всё это народ любит... Это словно жвачка, потребитель жуёт, жуёт, а пока суды и журналисты делают своё дело, – продажи идут... Нет, они не идут, они – летят! Вот что мне нужно! – Он помолчал и затем продолжил. – Мне нужно разработать несколько ярких, запоминающихся торговых марок. Брендов. Именно поэтому мне нужны талантливые люди. Ну?

– Я готов.

– Го-тов, – процедил Игорь Арнольдович. Чтобы творить, нужна жажда. И не просто жажда, а – смертельная жажда! Знаешь, такой девиз «Сотвори или умри»? Ты сможешь ра-

ботать так?

– К-как? Я не совсем понял...

– Э... молодой человек. Есть, конечно, стимул, есть мотивация, высокая зарплата, но это не всегда помогает. А вот когда ты стоишь на краю обрыва и вот-вот тебя толкнут вниз, вот... вот... в этот момент ты способен на самые эффективные решения. Да? – Игорь Арнольдович подошёл вплотную к Роману и посмотрел ему прямо в глаза. Роману стало немного не по себе. – А ты... готов? Ты сам веришь в то, что сможешь это сделать?

– Верю. Мне нужны только данные исследований, технические параметры и уникальность напитка. Что именно вы будете производить?

– Тьфу, опять исследования... – Игорь Арнольдович напряжённо зашагал по цеху. – Исследования тебе не нужны. Иди в любой ночной клуб, потусуйся, это будет лучше всяких исследований. Посмотри, какую гадость им намешают в баре, а потом посмотри, с каким восторгом они пьют это пойло за пятьсот рублей. А главное – зачем? Очень просто. Средство для достижения цели начинают заменять саму цель.

– Я не понял, о чём вы.

– Как не понял? Ты же рекламщик! Ну вот, подумай, зачем люди ездят на автомобилях за полмиллиона евро? Там те же четыре колеса, кабина, мотор, шины и прочая начинка. Ну, да... кожа, ну да, мотор сильный. Но, оказывается, ма-

шина куплена на последние деньги, вытщенные из бизнеса. Бизнес разваливается, но пацан... крутой!

– Ну, тут всё просто, – быстро сообразил Роман. – Самоидентификация. Стремление занять место в элите, заслужить «уважуху» у коллег.

– Вот, уважуху. Но при этом, он как был тупым, так и остался. Авто разобьётся через пару недель, но эти две недели он будет жить, как человек, который себя уважает.

– Может быть.

– Так вот, ... Роман. Мне нужен бренд, который будет вести за собой. Бренд, который будет требовать от хозяина «быть всегда рядом». С собой, в кармане. На столе. В офисе. В машине. Везде. – Адоевский задумался на минуту. – Давай так. Ты принят на месяц. Если разработаешь две новых торговых марки, которые мне понравятся – они пойдут в производство – ты останешься. Зарплату я тебе удваиваю сразу. Слышишь, в два раза даю больше, чем ты получал. Но только после того, как покажешь мне свои предложения по бренду. А? Как? Есть стимул?

– Есть, – выдохнул Роман, представляя в своей голове эту сумму и всё, что можно будет на неё купить.

– Ну тогда, добро пожаловать в будущее! Только у меня одна просьба.

– Какая?

– М... Не спрашивай у меня данные исследований и прочую маркетинговую чепуху. Оставь всё это наверху. Всё.

Иди.

Роман вернулся к лифту.

То, что он чувствовал, переполняло его, но были странные вопросы, на которые он ответить пока не мог.

В дверях на первом этаже его ждала Анжела.

– Ну, как пообщались?

Роман кивнул.

– Что, интересно? – Её глаза снова вспыхнули. – У нас всем интересно, нашу компанию непременно ждёт огромный успех. Когда сможешь выйти?

– Завтра и выйду. Возьму пока отпуск на работе и сюда.

Анжела кивнула и как-то восхищенно улыбнулась Роману.

Выйдя на улицу, залитую солнцем, и ступая по непросохшим лужам, Роман не мог вместить в себя эту радость: новая работа, новые марки, новый вызов судьбы. Тем более что всё, что он собирался купить в ближайшее время, умещалось примерно в две подобные месячные зарплаты. Плюс собственный кабинет, плюс самостоятельность, месяц сплошного творчества без бумаг и отчётов... А дальше... Дальше Роман думать пока не мог. Вроде всё, о чём мечталось – высокая зарплата, творчество... всё было в комплекте.

– Ну, по пивку за такое дело, – подумал Роман и заспешил в ближайший универмаг.

Голова начала работать, как только он покинул территорию «завода».

Всё, что он знал: это будет слабоалкогольный напиток, по аналогии с десятком подобных коктейлей, от которых ломятся полки в каждой «Пятерочке» и «Магните». Но тут, как он понимал, речь пойдёт об элитном дорогом напитке, который будет разливаться в красивые, алюминиевые банки. Значит, нужна будет элитная, дорогая упаковка. Значит, нужен также и отличный мерчендайзинг, хорошая выкладка рядом с элитным алкоголем.

Вечером из-под руки Романа листы бумаги вылетали один за одним, как из пушки. Он набрасывал «опорные точки бренда», как он их называл – идеи, которые громоздились одна на другую. Все эти идеи связывались в единое целое, которое оставалось только назвать.

Зазвонил телефон. Парни с работы звали попить пивка вечером. Отвертелся, сказал, что болит голова со вчерашнего. «Интересно, а что было вчера? – попытался вспомнить он. – О-па, не помню, значит что-то было», – улыбнулся он своим неожиданным мыслям.

«Кстати, – новая идея пришла вместе со звонком, – Саня! Он знает все клубные дела, все рецепты в барах! Так, Санёк будет нужен, сто пудов».

Санёк, он же Александр Баранкин учился вместе с Ромой в одном классе, но после школы их пути серьёзно разошлись:

Роман только со второго раза поступил в Институт Культуры, а родители Санька, (так звали Баранкина друзья), сходу, не мучаясь, заплатили столько, сколько нужно для поступления их сына в МГИМО. Они считали, что лучшее вложение – в учёбу детей, в их будущее.

Так они считали ещё пару лет, пока Саня усердно учился и постигал азы сложных международных отношений. Плотные шеренги международных юристов ожидали пополнения в виде круглого отличника и красавца Александра Баранкина.

Единственная проблема, как считал Саня – это его фамилия. Опытного дипломата с фамилией Баранкин он представить себе не мог и уже подумывал о смене фамилии...

Но до этого не дошло, – с третьего курса Саня завалив учебу, уехал в Индию.

Пропустив полкурса, зачёты, экзамены, он ушёл жить на квартиру друзей, где пьянствовал около полугода, затем, основательно «просохнув», заявился к родителям, признавшись, что скучная карьера дипломата ему совершенно неинтересна, и что он будет «себя искать».

Это «искание» привело Саню обратно к Роману, который постигал азы продюсерского бизнеса в Институте культуры. Теперь Саша Баранкин перестал говорить о смене фамилии, о карьере дипломата, и вообще стал больше молчать, чем говорить.

Роман предложил ему «замутить что-то новое», но в по-

искал этого «нового» в постоянных пьянках и пустых разговорах прошёл почти год. Однажды друзья даже сбросились и купили ноутбук, чтобы записывать свои продвинутые проекты. Ноутбук использовался часто, но не по назначению – Саша, приходя к Ромке в гости, играл в покер на компьютере, а Рома сидя на диване, тыкал кнопки на пульте от телевизора.

Время уходило, а новые идеи не приходили...

Саша всё время твердил, что когда-нибудь должно «попеть» и что нужно только дождаться этого времени! Вспомнив про Сашку, Роман подумал про себя: «Вот и попёрло, Саня».

«О! И Бобёр! – Роман неожиданно вспомнил и про Кольку Боброва, с которым учился на одном курсе в институте. – Колька Бобров, это то, что нужно! Этот знает о рекламе алкоголя всё...»

Бобров когда-то учился вместе с Ромкой в Институте культуры, тоже мечтая стать продюсером: занимался музыкой, но применение своим бесчисленным талантам найти никак не мог и последний год работал аниматором в торговом центре. Причём, когда он пришёл наниматься на работу, кадровики, не зная ещё его фамилии, предложили ему работать аниматором в костюме...бобра.

Когда он рассказывал это друзьям, будучи в изрядном подпитии (на трезвую голову никогда бы не рассказал, точно!) смеялись так, что порвали скатерть и уронили посуду на пол. Платить заставили Бобра, как виновника. У Романа всю

ночь болела челюсть от такого длительного приступа смеха.

Но Бобёр не унывал, верил, что станет продюсером и будет с радостью вспоминать свои годы работы в роли аниматора. Так он успокаивал себя, бродя в тридцатиградусную жару под козырьком торгового центра в душном костюме милого животного. В этой работе была только одна радость, – в костюме были такие огромные карманы, что туда спокойно вмещалась пара банок холодного пива. Но эта радость омрачалась другим неприятным свойством того же костюма – дети, зная, что человек в таком костюме не может быстро развернуться, часто пытались ущипнуть его за мягкое место, и это часто им удавалось! Бобёр ругался, пытался поймать детей, но природная мягкость и неповоротливость в костюме берегла детей от дикого, слегка пьяного, но доброго «зверя». На третий месяц он понял, что рекламировал своим видом детский творческий центр, и поэтому зайти туда боялся – от «бобра» на пять метров вперёд разлило дешевым пивом.

Бобёр откликнулся на звонок только утром следующего дня: болела голова после вчерашней душевной смены. Он буркнул в телефон что-то о свободном дне и пообещал быть у Романа к вечеру.

«Вечер» начался глубоко за полночь. Роман рассказал своим друзьям о необычном заводе и поставленной перед ним задаче, забыв рассказать о двойном повышении оклада, – он предлагал ребятам вместе подумать над новым брендом, благо опыт совместной работы у них уже был. Бобёр, не

отрываясь от планшета, в котором играл в очередную стратегическую игру, что-то уныло пробурчал себе под нос, что скорее всего, опять «не заплатят», а Сашка заинтересовался предложением достаточно серьёзно и расспрашивал Романа о том, что он видел на заводе.

Пробежавшись в сети по мировым известным маркам слабоалкогольных коктейлей, они принялись с интересом читать интервью основателя Red Bull Дитриха Матешица, затем нашли статью о российском производителе Ягуара... потом ещё, ещё, ещё. Около четырёх утра друзья вымотались в поисках, но появилась убеждённость, что новую марку нужно называть по-русски и по-английски одновременно, чтобы накрыть таким образом две группы потребителей. Вторая идея, которая пришла под утро – сделать разные бренды для мужской и женской части: слишком разные потребительские ценности и установки. Для женщин подходила более гламурная и праздничная стилистика, для мужчин – стилистика сильных и смелых.

Листы бумаги в пачке закончились, а с ним иссякли и силы. Бобёр уже почти час храпел в кресле, обнявшись с ноутбуком. Оглядев ещё раз все записи, разбросанные по столу, Роман и Саша устало улыбнулись друг другу, – это сильнейшая усталость от интересной и увлекательной работы нравилась обоим. Остался лишь один маркетинговый рывок, – нужно придумать сами названия для коктейлей.

Но в перечне возможных названий, которыми они испи-

сали кучу бумаги пока не встречался ни один вариант, который мог сразу поставить точку в поиске. Нужно было думать и думать ещё, искать и находить то единственное название, которое могло сразить потребителя сразу и наповал.

Разбежались почти под утро. Бобра долго будили и отправили на первую электричку в сторону дома, Саша уехал на вызванном такси, а Роман, поспав около пяти часов, умылся, быстро перекусил и поехал на старую работу: предстояло оформить заявление на отпуск и договориться о том, чтобы его подменили на это время. Он не хотел увольняться сразу, но желание уйти из надоевшего «Электронного рая» было очень сильно.

Подписав заявление, директор торгового центра, в котором работал Роман, хитро прищурил глаза и спросил, наконец, напрямик:

– Нашёл новую работу?

– Да нет, Аркадий Борисович, – заёрзал Роман. – Просто нужно немного заняться здоровьем, подлечить кое-что...

– Здоровьем, говоришь? Да, нужно... – он помолчал, а потом вдруг сорвался почти на крик. – Пить нужно меньше! Особенно после работы и на корпоративах не оттягиваться, как вы с этим... вашим коллегой в прошлый раз... Тогда и со здоровьем будет всё нормально. В «Электронном рае» со здоровьем у всех нормально... кроме тебя. Ладно, иди. Не забудь дела сдать, – крикнул Роману вслед Аркадий Бори-

вич. – Здоровьем ему надо заняться. Сначала пьют, как лошади, потом о здоровье вспоминают...

Роман летел домой, по дороге «залетев» в магазин. Не столько ему нужно было что-то купить, сколько он хотел своими глазами ещё раз посмотреть на выкладку слабоалкогольных коктейлей, на ассортимент, повертеть в руках эти банки, посмотреть производителей. Это он называл «обычным погружением в продукт». Для разработки сторонних заказов, как он называл, на «фрилансе» ему часто приходилось планировать рекламные компании, придумывать названия для нового продукта, этикетки и слоганы. И каждый раз процесс «погружения» шёл все глубже и глубже, и результат работы его удовлетворял. Ну а заказчики были вообще довольны...

Повертев в руках несколько банок, он, набрав корзину наиболее интересных экземпляров, потянулся к кассе, не забыв прикупить закуски, колбаски и хлеба. Подумав немного, вернулся и взял бутылку хорошего коньяка: вдруг Саша с Бобром заявятся опять.

Проходы к кассе были узкие и Рома еле уместился в них со своей корзиной. Над кассами низко нависали контейнеры с сигаретами, жвачками, шоколадками и зубными пастами.

«Кто всё время вешает эту гадость около кассы?», – думал Роман, задевая головой пластиковый контейнер. Рядом с сигаретами и жвачками умудрились поместить даже небольшой телевизор, который демонстрировал какую-то бессмысленную рекламу пылесосов. Женщина в кадре падала в крес-

ло, устав от уборки, причём падала настолько ненатурально, что Рома поморщился и представил себя в роли режиссера ролика.

– Вы устали от битвы с пылью? – кричал некрасивый голос в рекламе. – Любая битва по плечу! – другой, какой-то шипящий голос отвечал первому. В кадре появлялся молодой человек, похожий на человека-паука с пылесосом рекламируемой марки и отчаянно запрыгал с ним по квартире.

После рекламы начали показывать продолжение какого-то боксёрского поединка, видимо, до этого прерванного глупой рекламой.

Очередь двигалась медленно, кассирша несколько раз выходила, звала кого-то, потом закончилась чековая лента, потом ещё что-то...

В телевизоре над кассой, уже более звучный и протяжный мужской голос начал приветствовать боксёров и протяжно выкрикивать их имена и фамилии.

– Ита-а-а-ак! Битва века начала-а-ась! – истошно вопил ведущий.

Слово «битва» ещё раз врезалось в постоянно работающий мозг Романа. «Битва»... «Битва»... несколько раз быстро про себя повторил он. «Битва»... повторял он более медленно. «Бит-ва».

Слово «Битва» по его мнению стопроцентно попадало под мужской бренд будущего напитка. «Битва» – в нескольких смыслах: «битва» за мир, «битва» между пацанами за пра-

во быть первым (а кто же не хочет быть первым?), «битва» с самим собой (все мы пытаемся себя переделать), «битва» как вызов, «битва» как история войн и сражений... Короче, «битва»... повторял про себя Роман.

– Молодой человек, вам пакет нужен? – вдруг неожиданно громко и визгливо прозвучал вопрос у него над ухом. Подошла его очередь в кассу, он молча выложил банки и продукты, расплатился, сложил всё в пакет и вышел из магазина.

Идея «Битвы» не отпускала его весь день.

Исписав ещё кучу бумаги новыми слоганами и эскизами бренда, Роман открыл первую банку коктейля, купленного сегодня в магазине, отпил и поморщился. Коктейль был приторно сладким и отдавал кислым грейпфрутом, хотя через минуту показалось, что сам и напиток состоит из разведенного порошка.

– Что за муть? – Роман поставил банку на стол и открыл вторую.

Через пару часов в комнату тихо вошёл Бобер, – он застал Романа, уснувшего за столиком, среди десятка открытых, допитых и недопитых банок с невкусным алкоголем.

– Романыч, чего у тебя дверь открыта? Э, ты чего пьёшь? Обалдел, что ли? – он растолкал Рому, тот повалился на диван и захрапел дальше. – Ладно, придумывать названия и рекламировать, зачем пить-то это? Пусть вон они... – Бобёр кивнул в сторону окна. – Пусть они пьют, а тебе-то зачем? – Он был возмущён, пошёл на кухню, поставил чайник. Потом

залез в холодильник, нарезал потолще колбасы на бутерброды, потоньше лимон и торжественно вошёл в комнату с подносом, двумя рюмками и бутылкой коньяка.

– Вот что пить надо... А ты. – Он поставил всё на стол, отодвинув в сторону бумаги.

– Н-н-не трож-ж-ж-жь, – Роман поднялся с дивана и сложил бумаги в аккуратную, насколько мог, стопочку. – Не трожь. Это бриф.

– Ты сам уже как бриф, – усмехнулся Бобёр. – Давай по граммулечке. А?

– Ммм, не хчу. Птом. – Рома повеселел, вспомнив о том, что придумал сегодня довольно хороший вариант, который не стыдно будет показать заказчику.

– Прикинь, Ббёр! Придумал... вариант названия ... брен-да.

– Ну?

– Бит-ва, – торжественно и по слогам произнес Рома.

– Битва?

– Да. Битва! – уже громче повторил он. Битва! Баттл! Представляешь? Вся жизнь – это битва! Постоянный баттл! Баттл! – постоянно повторял Роман, как бы внушая сам себе это название.

– Ничего, – тихо ответил Бобёр. – Впечатляет. Для мужской части населения очень даже ни-че-го. Бобёр опрокинул рюмку, громко выдохнул и закусил лимончиком.

– А где Санёк? – Рома опять начал заваливаться на диван.

– Санёк сегодня среди дам, к нему мамка приехала, ну он повёл свою... эту... с мамой... не помню, то ли в театр, то ли в кино.

– Санёк... в театр? Сильно... – Рома растянулся на диване и начал было опять засыпать. – Уф, – вздыхал он, закрыв глаза, – вся жизнь... как битва... да... Бобёр? Бобров махнул рукой в сторону Ромы, отчаянно нажимая на кнопки ноутбука, управляя гоночным автомобилем.

Примерно в полночь в дверь позвонили. Открывая дверь, Рома спросонья не сразу понял, что на дворе уже ночь, за окном темно, а у него на кухне гора посуды. Сашка пришел возбужденный, долго рассказывая о том фильме, что посмотрел сегодня вечером и как-то невзначай упомянул, что ему в голову пришёл неплохой вариант названия коктейля для девушек и женщин.

– Представляешь, сижу сегодня со своей, а она всё в фейсбуке сидит, с кем-то переписывается. Вот она мне все уши прожужжала: «тут поставлю лайк», «тут лайк», «и этому лайк». Я не сразу сообразил, что это неплохой вариант может быть для коктейля. «Лаки» (lasky) по-английски везунчик, «лайк» – переводится как «нравится, да и вообще слова, которые начинаются на «Л» очень мягкие по-своему, очень нежные, а женский пол очень любит нежности. Как думаешь, Ром?

– Лайк... это неплохой вариант, – задумчиво протянул Роман.

– Ё-моё, Санек!? А мы сегодня, – Бобёр оглянулся на Романа – придумали название для мужского коктейля. «Битва». Прикинь!

– Неплохо! У меня ещё был вариант женского коктейля «Пати» – Саша торопился выложить все варианты, которые пришли ему в голову. Есть еще вариант коктейль Glamour, коктейль «Сноб». Короче вариантов море, только выбирай!

– Класс! Ребята... – поднялся Роман. – Это супер! Чего бы я без вас делал? Это то, что надо! Теперь осталось только всё это описать, обосновать, выложить, сделать презентацию и всё. Е-моё, Бобёр, Саня! Прямо... битва началась, можно сказать!

5.

Через неделю Роман закончил готовить презентацию для директора завода. Эту неделю он практически не спал: переписывал на компьютер всё исписанное им и Сашей с листов, потом переписывал уже то, что набрал в компьютере, обрабатывал и снова переписывал. Подставлял картинки, чертил таблицы и графики, собирал все данные в презентацию. Спустя неделю, презентация была готова, не хватало лишь обложки.

В последний день, когда он заканчивал оформление обложки, позвонила Лена из командировки. В далёком, северном городе, заканчивая делать репортаж для своей газеты,

она подцепила неприятную простуду, от которой не могла отойти уже четыре дня. Она звонила, чтобы предупредить, что задерживается, но в голосе чувствовалась боль и переживание.

В конце телефонного разговора, она всё-таки не удержалась от слез:

– Ром, может приедешь сюда? Я одна боюсь тут... вдруг в больницу придётся лечь, тут никого знакомых даже... чужой город... Ром... а?

– Лен, ну ты же знаешь, у меня на носу важная презентация по коктейлям, понимаешь, пока не могу... давай через пару дней, если всё закончится тут, прилечу сразу, подожди немного. Ладно?

Лена на том конце провода вытерла слёзы и тихо проговорила:

– Ладно, Ром, звони почаще. А то я переживаю. Вчера температура за тридцать восемь была...

Когда Роман отключил телефон, то ещё какое-то время сидел и представлял себе свою Лену, Ленку... как её угораздило заболеть в командировке? Но бросать всё и лететь на Север, «за тридевять земель», как любил говорить Ромка, – не было никакой возможности...

Презентацию назначили на среду. Утром Роман надел лучший костюм, выглаженную рубашку, синий с отливом галстук и долго собирался перед зеркалом. В голове проно-

сились отрывки презентации, слоганы и девизы, придуманные им. В какой-то момент он представил себе, что надевает не галстук и пиджак, а тяжёлые, металлические доспехи, долго продевает их через голову, поправляет кольчугу и шлем, и как будто бы готовится к настоящей битве.

– Прямо Дарт Вейдер какой-то... – подумал Роман и попытался улыбнуться своей шуточной мыслью о доспехах... – или Александр Невский....

Но улыбка почему-то не «выдавливалась». Из зеркала на него смотрел уставший молодой рекламщик, который задумал перевернуть мир своим брендом. А захочет ли мир переворачиваться? – пронеслось тревожная мысль. – Надо, значит, перевернём, – оправдывалась другая мысль.

Выходя на улицу ярким морозным днем, Роман остановил такси, продиктовал водителю адрес и уставился в окно, – он уже внутренне напрягся перед ответственной презентацией, и не хотел отвлекаться, а с другой стороны, чем больше он думал о презентации, тем сильнее напрягся.

Игорь Арнольдович был в хорошем расположении духа, смеялся, шутил, улыбался и встретил Романа, по-дружески похлопав его по плечу. Однако его советники, сидевшие вместе с генеральным во главе стола были явно не в радостном настроении.

В перерыве, который устроили перед началом Роминой презентации, Анжела успела шепнуть ему, что «только что

закончились две презентации, и судя по настроению шефа, они не особенно ему понравились, поэтому у него, Романа, есть настоящий и единственный шанс на победу в тендере».

Анжела отошла от стола, взяла с подноса чашку кофе, и повернувшись, с надеждой посмотрела на Рому – он сидел, явно удрученный только что полученной информацией. Он не мог внутренне согласиться с тем, что он не единственный, кому поручили разработку бренда. «Значит, у меня с самого начала были конкуренты? Да, – подумал Роман, – значит, «битва» началась задолго до того, как я её придумал».

– Ну что, друзья мои, начнём? – Игорь Арнольдович, восторженно потирая руки, опустился на своё место во главе стола. Его советники переглянулись и молча уткнулись в свои записи.

– Роман Пивоваров, вам слово, – произнёс кто-то из советников.

Рома подошёл к проектору, сделал знак ассистенту, который переключал слайды, посмотрел на свои записи, и начал презентацию.

Двадцать минут пролетели, как один миг. Последний слайд с идеей названия коктейля и вариантами девизов остался на экране:

БИТВА. СИЛА И ВКУС.

БИТВА. НАПИТОК СИЛЬНЫХ.

Роман, извинившись за возможную излишнюю торопливость, присел на стул. Советники вытянули головы и искомса подглядывали на реакцию Игоря Арнольдовича. Тот сидел, немного нахмурившись, так, что со стороны казалось, что ему сильно не нравится предложенное Романом решение. Наконец, он встал, прошёлся по залу, скрестив руки за спиной и остановился рядом с экраном, на котором были написаны ударные слоганы «Битвы».

– Ну, что коллеги? Что молчите? Ваше мнение? – обратился он к своим советникам. Их было четверо, строгих дядек в строгих дорогих костюмах. Один из них, самый маленький, сдавленно начал речь:

– Неплохо, Игорь Арнольдович, неплохо на мой взгляд. Смелое и яркое решение. Но...

– Да никаких «но», Михаил Эдуардович! Никаких «Но»! Это сильнейшее предложение из тех, что мы с вами услышали сегодня! Игорь Арнольдович посмотрел на Романа, видимо, чувствуя, что слова о «предложениях» могли как-то повлиять на него.

– Да, мы слышали сегодня три предложения по названиям продукта, и я считаю, что это лучшее, что мы услышали! Таким образом, я подвожу черту под нашим поиском названия. Название выбрано!

Советники зашептались, и стали кивать головами. Игорь Арнольдович поспешил к Роману, пожал ему руку и ещё раз

повторил о том, что свой выбор он сделал.

– Теперь нужно начинать делать изобразительный знак бренда, собственно саму торговую марку. Завтра в десять я жду от вас предложение по агентствам и студиям, которые смогут спроектировать нам такую торговую марку. Думаю, вы лучше меня знаете рынок дизайнерских студий, которые смогут выполнить такой заказ в минимальные сроки. Жду ваших предложений и по смете работ. Нам нужно до конца месяца получить готовый знак, брендбук и подробное описание бренда. Ну, что, молодой человек, – Игорь Арнольдovich ещё раз похлопал по плечу Романа, – я же говорил, с такой фамилией вам нужно работать только в нашей отрасли. Я очень рад, что вы оказались на своём месте. Да, и главное – он повернулся, держась за ручку двери, – вы приняты, на тех условиях, о которых я вам говорил. До завтра! И помните, в десять!

Он ещё раз улыбнулся своими ярко-белыми зубами и вышел. Казалось, что эта улыбка только что сошла с обложки какого-то красивого журнала. Советники поднялись и тоже стали торопиться на выход. Только один из них дошел до Романа и тоже долго тряс его руку, уточняя по ходу разговора, какие-то детали презентации.

Роман был вне себя от счастья.

Нет, Роман был просто на седьмом небе от счастья!

Он был так доволен собой, так рад, что сразу же бросился звонить друзьям, чтобы принимать поздравления и пригла-

шать «обмыть» это событие. Он бросился звонить друзьям, совсем забыв, что где-то в тысяче километров от дома, в далёком северном городе, в больнице с серыми, выцветшими стенами, в пустой палате, лежит его жена.

Лежит и ждёт его звонка.

6.

Она позвонила сама.

Вечером, когда было выпито всё, что было взято по такому случаю, и уже сходили и снова выпили, раздался звонок. Роман долго пытался понять, откуда звонят, потом долго пытался открыть глаза и напрячь память... Бобёр свернулся на кресле перед журнальным столиком, на котором остались остатки бутербродов, колбасы, стояли стаканы и валялись огрызки пиццы. Роман вспомнил, какое событие отмечали сегодня, и приводя воспоминания в порядок, сообразил, что скорее всего звонит жена. «Точно, она, – подумал Рома, – она, Лена. Ох я... забыл позвонить. Ох...» – он почти полз к телефонной трубке, которая стояла на рабочем столе. Около стола он всё-таки поднялся на ноги и с третьего раза попал в кнопку телефона.

– М-м.

– Рома, что случилось? Я не могу дозвониться до тебя уже несколько часов!

– М-м. Мы... это... работаем. Много, Лен... работы. Мы

раз... разработали бренд, Лен. Бренд, который... – он за-
пнулся, понимая, что за одну минуту в таком состоянии, бу-
дет не способен рассказать все подробности.

– Какой бренд, Рома? Я завтра вылетаю, но меня не от-
пускают одну, они говорят... – связь прервалась.

– Лена, Лена, я не слышу... не слышу, связь оборвалась...
– мычал Роман в трубку. – Не слышит, – пожав плечами, он
сел в кресло и тут же уснул.

В восемь утра раздался очередной звонок. Звонил будиль-
ник. Роман, дотопав до него (хорошо, что вчера завел!) ткнул
в него пальцем и ушёл в ванную. Бобёр долго мычал в крес-
ле, спрашивая о том, сколько времени, потом всё-таки раз-
лепил глаза и увидел, что проспал начало рабочего дня.

– Хм, хм... мне к десяти, – вытащил из себя слова Роман.
– А я... в восемь должен быть, – передразнивая его, сказал
Бобёр. – Вот хорошо, Саня вчера вечером домой ушёл, вот
молодец. Проснулся утром, небось, как огурчик, а мы тут с
тобой... – Бобёр устало ткнулся обратно в кресло. – Ром, у
тебя рассольчик есть?

– Какой рассол, Бобёр! Коктейль «Битва» лучше рассо-
ла! – застегивая рубашку, говорил готовыми слоганами Ро-
ман. – Давай... огурчик, руки в ноги, мне нужно идти!

– Рома, возьми меня к себе! В свою «Битву»! Если бы ты
знал, как мне надоело каждый день толкаться в этом урод-
ском аниматорском костюме и ждать, что меня повьесят до
менеджера, который будет сочинять рекламные тексты... Ро-

ма! – Бобёр неприятно мычал и было непонятно, то ли он дурачится, то ли действительно просит. – Рома, я не могу ходить на работу к восьми, я хочу ходить к десяти! – широко улыбался он, развалиясь в кресле.

– Можешь вообще не ходить, – отозвался Роман из прихожей. – Пошли, зоопарк ждёт тебя!

Они вышли вместе и зашагали по одной улице. Но пройдя до первого перекрёстка, Рома поправил галстук, и резко попрощавшись с Бобром, остановил такси. Бобёр лишь посмотрел ему вслед... Так смотрят на уходящий от пристани белый теплоход, уплывающий в далёкие тёплые страны...

Первый рабочий день Романа выдался горячим. Всё, что он запланировал, было выполнено. Вечером, в его кабинет пожаловал сам Игорь Арнольдович, спросить о делах. Роман уже держал себя более уверенно, быстро отчитался о запланированных на завтра делах и вручил ему смету и план работы. Шеф был явно доволен, что-то уточнил и пригласил пройти на третий этаж.

Здесь, на «минус третьем» этаже располагались кабинеты советников, зона Правления и переговорные комнаты. Открыв один из кабинетов и включив свет, Игорь Арнольдович представил Роману его новый кабинет. Роман стал рассматривать детали интерьера и немного «поплыл» – такой кабинет он представлял себе, как минимум лет через десять-пятнадцать. Сев в мягкое кожаное кресло, Роман почувствовал, что оно было сделано как бы специально для него: нежная

коричневая кожа, гладкие лакированные деревянные ободы ручек, металл в ножках и блестящие металлические колёсики... Роман хотел что-то сказать в ответ шефу, но тот растворился в дверях, оставив Романа наедине с новой «площадкой для жизни».

7.

За первую же неделю рабочий график так уплотнился, что Роман почти не вылезал из нового кабинета; давал поручения по телефону, скайпу, электронной почте и мобильному. Приходил на работу к десяти, и примерно в десять же вечера уходил, захватив какие-то журналы с собой в машину, – теперь домой и на работу его возили на корпоративной «Тойоте». Удобно устроившись на заднем сиденье, он успевал просмотреть свежие журналы о маркетинге и рекламе. Дела пошли в гору, через месяц бренд был отрисован, утверждён, а в начале весны рекламная кампания «Битвы» уверенным бюджетом пошла по регионам. Роман был на вершине успеха. Настоящего успеха.

Осталось только понять, это состояние, – оно на всю жизнь, или придётся «спускаться с вершины»?

О том, что спуск всегда тяжелее подъёма, Роман догадывался.

Через полгода рекламная кампания начала давать свои

первые плоды, – коктейль «Битва» «бодро уходил» с полок магазинов, крупные торговые центры делали огромные заказы оптовикам, оптовики везли с центрального склада завода напитков вагонами, а уникальный подземный завод работал в три смены, не останавливаясь.

Конвейер, напичканный компьютерами и электроникой, блестящими металлическими аппаратами, толстыми и тонкими шлангами, лентами транспортёров и упаковочными машинами, громко «вздыхая», выдавал каждые двадцать секунд очередную упаковку из двенадцати ярких, блестящих алюминиевых банок, в которых плескался напиток победителей.

Реклама напитка крутилась на центральных каналах, компания выступала спонсором хоккейной лиги и федерации «боёв без правил». По всей стране шли хоккейные матчи на приз «Битвы», в более мелких городах – не «миллионниках» – проходили матчи в рамках «боёв без правил».

Идея таких боёв, по-английски battle, (а по-русски «битва») тоже принадлежала Роману, – эта идея была поддержана Правлением компании, был выделен приличный бюджет на проведение таких «битв».

Роман каждый месяц повышал бюджет рекламной компании, удивлялся и ждал, когда «Арнольдич» начнет «резать бюджет». Где бы он ни работал – везде собственники, владельцы и директора компаний были готовы проводить мероприятия, но не были готовы выделять большие средства. А

тут каждое повышение рекламных расходов приводило «Арнольдыча» в восторг, – он радовался, как ребёнок, и восторженно смотрел матчи по огромному телевизору, висящему в кабинете.

Бюджет рос, вместе с ним росла зарплата Романа, его доходы от всех партнёров, где он заказывал дизайн, макеты, ролики, полиграфическую продукцию, даже описание продукции и техническое задание писали те, кто в конце концов получал от Романа заказы, – сам он уже редко садился за ноутбук и что-то писал. В его отделе теперь работали пятеро сотрудников, которые обеспечивали проведение мероприятий, организацию рекламной компании, бюджетирование и подготовку отчётности.

Но дома у главного идеолога «Битвы», всё было не так успешно. Его Лена, его замечательная Ленка, – уставшая от бесконечной и беспросветной работы мужа, – собралась переезжать к маме. И всё так и двигалось бы медленно в сторону развода, если бы не один единственный факт. Факт, который поставил Романа перед очередным мучительным выбором...

Лена была на третьем месяце беременности...

... Это был единственный их праздничный вояж в Европу, когда Ромка вдруг выкроил из своего графика несколько замечательных дней, и смог вернуть в эти дни ощущение любви, заботы и внимания. Он умел это делать, но делал это

редко. Те несколько дней головокружительной поездки по Европе теперь превратились в сухие воспоминания и скучный фотоальбом, лежащий на верхней полке шкафа. На этом могло бы всё и закончиться...

Как красивый конец их совместной жизни.

Ох, Лена, Лена...

Через несколько недель после этой романтической поездки Лена поняла, что *это* случилось. Ещё несколько недель ушло на то, чтобы собраться со словами и мыслями, чтобы сказать наконец-таки Роману о своей беременности.

Но она не знала, как и когда это сделать. Поэтому сказала просто, почти не готовясь и не подбирая слова.

Роман обрадовался, но как-то сухо. Он как будто посмотрел в свой планинг и не увидел там этого события, словно и не планировал *его*. И на свой дурацкий вопрос «А почему это вдруг вот так, как-то неожиданно?» получил достойный ответ: «А ты что, не рад что ли?» Семейный праздник превратился в совещание по планированию дальнейших событий.

– Так, тебе нужно вот это и вот это... – распорядился он.

– Ром, обними меня... – стонала она.

А он вдруг вспомнил что-то, побежал к телевизору, – там начиналась трансляция очередного матча боёв без правил на приз «Битвы». Ему было не до тонких сентенций. «Впереди ещё много планов, – подумал Роман, – нужно много работать...»

О том, что нужно много работать, ему в детстве говорили родители. Они и сами работали много, и то, советское государство высоко оценило их труд: родители заработали квартиру в столице, машину, дачу, и вот, казалось бы можно отдохнуть: уже выросли дети и вот-вот появятся внуки.

Однако, всё, что попадало в руки родителей, – квартира, машина, дача, нуждалось в дальнейшей и последовательной «заботе»: в квартире нужно было делать ремонт, ставить новые окна, покупать мебель, машина нуждалась в ремонте, про дачу и вообще можно было не говорить. Каждая поездка на дачу «отдохнуть» оборачивалась трудами на маленьком, в шесть соток, огороде, работах по облагораживанию, озеленению, оформлению, окрашиванию... и лишь под вечер, вместе с радостью от «сделанного» приходили боли в пояснице, ногах и чувство невероятной усталости.

Роман в молодости не одобрял такого рвения родителей к труду.

Он думал, раз уже есть почти всё, можно было бы и отдохнуть, расслабиться. Однако, с годами, когда несложная работа в офисе стала приносить неплохие заработки, появилось желание... добавить. То есть, взять дополнительную работу за дополнительный заработок. Затем появились возможности что-то «прокрутить» и получить ещё один вид дополнительного дохода. Потом ещё. И ещё... И уже к тридцати годам, Роману тоже хотелось много работать, только это было немного другое чувство, нежели у родителей: тогда вся

страна воспевала труд, как средство для счастливой жизни, а здесь же труд сразу и с точностью до рубля измерялся в купюрах и тем, что на них можно было купить. А список желаний был во много раз больше, чем ещё тридцать-сорок лет назад. У Романа к этому времени было уже почти всё: и квартира, доставшаяся от родителей и машина, которая постоянно торчала в ремонте, и работа. Жена часто по телефону «пилила» его за отсутствие свободного времени и поздние совещания в отделе: «Ты пропадаешь на работе, совсем пропадаешь... сколько же можно работать, Ром?». А он отвечал, переходя на новый уровень в компьютерной игре: «Лен, вот сейчас закончим с макетами и сразу домой».

Лена терпела. Дома, часто, она продолжала разговоры о поздних возвращениях из офиса, но Роман отшучивался:

– Да, ладно, я и так работаю немного. Вон сосед наш, Ваня, тот вообще домой под утро приходит и ничего.

– Ну, сравнил! Ваня работает в Госдуме, поэтому ему можно возвращаться так поздно. А ты... – шутила она.

– А что я? Что я? Ваня ворует вагонами! Ва-го-на-ми! Да все воруют, все. Вся страна ворует! И что? – размышлял он вслух, потом вдруг забыв, с чего начинал, продолжал: – И я тоже хочу жить хорошо!

И всё-таки, спустя семь месяцев терпения, Лена не выдержала рабочего графика Романа, его пьяных «залётов», весёлых «совещаний», ночных «корпоративов» и других особенностей руководителя отдела рекламы крупного алкогольно-

го комбината.

Она переехала жить к маме.

8.

Лето выдалось жарким. Одна за одной командировки вынимали все силы и требовали ещё. В каждом городе, куда приезжал Рома со своей командой, он организовывал рекламную компанию и подготовку к боям на центральных рингах города. Сотни рекламных баннеров, развешенных по городу, тысячи крупных и мелких афиш, радио и телевизионные ролики – вся эта огромная мощная машина пропаганды работала на «Битву». Сам коктейль уже вошёл в «топы» продаж, обогнав некоторые сорта российского и импортного пива и стремился в лидеры.

Вместе со слабоалкогольным коктейлем в магазинах продавался и безалкогольный напиток, пошли в ход конфеты и жвачка, сувенирная продукция, запустились промо-акции и клубы фанатов – реклама работала на всю мощь своего федерального бюджета. В том городе, куда на этот раз приехал Роман, бои были организованы прямо под открытым небом, на центральной площади, – там были выстроены трибуны, подвешен огромный экран для трансляций и завезено звуковое оборудование.

Город жил ожиданием настоящей битвы.

Вечером Роман вышел прогуляться из гостиницы до пло-

щади, чтобы посмотреть на окончание подготовки к событию, осмотреть лично и убедиться, что почти всё готово к завтрашнему событию. На улице было немного прохладно, днём прошел дождь, и теперь вечерняя прохлада обволакивала прохожих тёплой сыростью.

Роман дошёл до площади, постоял около арены, приблизительно прикидывая сколько человек могут вместить трибуны, расположенные вокруг. Затем спустился к огромному постаменту около ринга – он был выполнен в форме логотипа «Битвы», высотой около десяти метров. Посмотрев на него издали, Рома остался доволен и подошел ближе. Подойдя вплотную, он поднял голову, и неприятный холодок пробежал по его спине. Вблизи логотип был огромен и страшен. Он представлял из себя сплетение крупных и мелких арматурных труб, на которые было натянуто полотно баннера. После дождя с труб капала дождевая вода и, казалось, изнутри баннер был похож на огромный, неведомый самогонный аппарат – везде торчали какие-то трубки, металлические стержни и откуда-то всё время капала тёмная, мутная жидкость.

От осмысления увиденного Рома ещё раз поморщился, съёжился, и, запахнув легкую курточку, пошел дальше.

На площади уже закончили работы, и лишь усталые охранники несли свою вахту. Роман с нескрываемым любопытством поинтересовался у одного из них завтрашним мероприятием, и охранник в самых восторженных выражениях

описал ему завтрашнюю битву так, что Рома пожалел, что не взял с собой диктофон – каждое слово этого парня можно было бы использовать в рекламной статье.

Затем он свернул с площади на незнакомую улицу, приятно освещенную жёлто-лунными фонарями, прошёл по ней до следующего квартала, купил в палатке бутылочку своего любимого пива (традиция!) и сделал несколько глотков. По его прикидкам, свернув в переулок, он мог срезать пройденный квартал и быстрее вернуться в гостиницу. Запивая приятные минуты вечерней прогулки, он смело шагнул в переулок, который был менее освещён, чем улица, прилегающая к площади.

Пройдя несколько метров и привыкая глазами к мутному свету единственного фонаря, он заметил на другой стороне тротуара небольшую группу молодых ребят. Те что-то громко обсуждали и весело смеялись.

Внезапно смех и разговоры смолкли.

Роман почувствовал почти неслышные шаги у себя за спиной. Дальше всё произошло очень быстро.

Его окликнули, он не отозвался, лишь ускорив шаг, его окликнули уже громче, он повернул голову и увидел лишь тёмные силуэты, догонявшие его. Роман понял, что лучше разобраться по-человечески и остановился.

– Гуляем? – громко спросил один из силуэтов, который подошёл поближе, так, что стало видно лицо, спрятанное в капюшон.

– По делу идём, – сухо парировал Роман.

– По какому такому делу? – прозвенел голос второго си-луэта.

– Давай, мужик, деньги сюда и иди по делу дальше, – резко выпалил третий голос. – В темноте что-то сверкнуло, Роман лишь разглядел яркую алюминиевую банку родной «Битвы» 9% крепости. В голову вдруг пришёл отчаянный план.

– Ребята, а хотите завтра билеты на «Битву» на первые ряды?

– На что нам твоя «Битва», если туда пускают только своих? Мы полгода готовились к этой битве и должны были участвовать в самих состязаниях, а нас кинули, как последних лохов. Иди ты со своей «Битвой». Мы вот тебя сейчас вскрыем, и будет нам нормально, – продолжал первый голос.

– Да, чего ты тянешь, Колян, махни его! – подначивал второй.

Роман не успел продолжить о билетах и завтрашнем матче, как кто-то, зайдя сзади, сбил его с ног. Бутылка пива вылетела из рук и разбилась под ногами, обдав его неприятным горьким запахом.

Роман только успел подобрать ноги к подбородку, как уже почувствовал сильные удары в спину и в живот.

Лупили то ли двое, то ли трое.

До его ушей долетали какие-то хрипы и отчаянная ругань. Дальше сознание как будто стало снижать порог боли, он только чувствовал удары, но боли уже не было. Ясность

времени и места стали уходить, он вдруг представил себе, что находится на завтрашней «Битве» и вот сейчас, сейчас поединок должен прекратиться... Должен прозвучать гонг и громкий крик рефери. Гонг и крик, останавливающий поединок.

Где же он, этот гонг?

Где?

Когда?

За что?

Один из ударов пришёлся в лицо, тут уже сознание стало отказывать в ответах, во рту появился привкус крови, и какой-то сильный комок чувств весь съёжился внутри... Казалось, что вот-вот этот комок выплеснется наружу, вместе с сознанием...

Удары прекратились.

Его развернули на спину, выдернув портмоне из кармана куртки. С другой стороны переулка подъехала машина, приглушив фары. Хлопнула дверь, кто-то вышел. Были какие-то голоса, но ни слов, ни реплик Роман уже не слышал. Страшная и неприятная боль начала возникать в теле, во всех местах, куда попали удары. Ещё минуту он терпел, но боль все нарастала и нарастала, как будто её запасы хранились где-то внутри него и сейчас выплескивались в виде страшного и ядовитого напитка...

Через несколько секунд он уже терял сознание.

Последнее слово, которое он уловил, было слово «Бит-

ва»...

Они рассматривали его документы, торопились, но один из них, тот, кто начал разговор первым, в тёмном капюшоне, вдруг показал пальцем в ромины документы и вскинул удивленно глаза на другого. Тот, другой, только что вышедший из машины, взял паспорт, посмотрел на первую страницу и вдруг знаком остановил всех, кто стоял рядом с ним.

Несколько секунд все стояли, замерев на месте.

Затем, как по команде, трое или четверо взяли лежащего на тротуаре Романа и поволокли в сторону машины. Затолкав его на заднее сиденье, водитель сел за руль и машина, взвизгнув, сорвалась с места.

– Чего там было? – спросил один из нападавших того, кто ещё несколько секунд держал в руках документы Романа.

– Да ничего, паспорт, – сухо отозвался тот.

– А чего Ромыч тогда его забрал? – не унимался первый. – В больницу, что ль, повез? Не того что ли мочили?

– Того, того. У него фамилия и имя совпадают с Ромычем. Тот тоже был Роман Пивоваров. Прикинь? Из Москвы... Залетный, видимо, командировочный... Пошли.

Через минуту на тротуаре не было никого.

На асфальте остались лишь осколки разбитой пивной бутылки и пустая, смятая банка из-под «Битвы».

Отец Серафим выходил на рыбалку рано.

Как он называл, по «первой светлости». Это состояние, когда едва начинаешь различать предметы в полутёмной комнате; на улице в это время уже затихли сверчки; лениво, но громко запели петухи; первых лучей солнца ещё не видно, они вот-вот только ожидаются, и вся природа безмолвно застыла в ожидании нового дня.

В этот день его друг, Михаил Афанасьич, на рыбалку не пошёл, отказался. А больше никого пригласить отец Серафим не мог – в уцелевшей деревне, километрах в десяти от старого посёлка, и почти в пятидесяти – от города осталось лишь два жилых дома, – его да Михаила Афанасьича. Остальные все, побросав дома, уехали в посёлок, в город, в столицу, – туда, где жизнь кипела и бурлила.

Сегодня отец Серафим пошёл не к затону, где ловил обычно, а ближе к старому, заброшенному мосту, где частенько ловил небольших карасиков, которых очень любил жарить к завтраку. Пройдя по старой брошенной дороге, он свернул к мосту, спустился с пригорка и двинулся по тропинке вдоль зарослей камышей.

Устроившись на старом мостике, который возвышался над водой, он, помучившись с наживкой и поохав, как обычно, закинул удочку ближе к другому берегу и закрыл глаза. Каждое утро нового дня он встречал тихой, почти молчаливой молитвой, и если не успевал прочитать утреннее правило дома, перед образами, то обычно молился прямо на бере-

гу реки, повторяя про себя давно знакомые тексты утренних молитв.

Закончив молитву, он открыл глаза. Поплавок был на месте, утреннее солнце медленно выкатывалось из прибрежных кустов и зарослей. Вокруг было тихо, лишь лёгкий ветерок напоминал о том, что ещё раннее утро.

Над рекой лежала влажная полоса тумана.

Лишь какой-то странный звук доносился из береговых зарослей на другом берегу реки. Русло было неширокое, но достаточно глубокое, и длинная полоса прибрежного камыша заслоняла противоположный берег реки. Отец Серафим напряг зрение и слух, пытаясь понять, откуда идёт этот звук, больше похожий на стон. Он пригляделся и вдруг отчётливо заметил на противоположном берегу реки странные следы от машины, – эти следы уходили с дороги прямо на берег, а с него в камыши.

Привстав, отец Серафим сложил удочки и пустился быстрым мелким шагом в обход, через мост на другую сторону. Дойдя до моста, он заметил на грязной просёлочной дороге, что сворачивала с асфальтовой, свежие следы от автомобиля. Спустившись в камыши, он осторожно зашёл в воду.

Перед ним, наполовину в воде, лежал человек в рубашке и джинсах.

– Ух ты, Боже ж мой, ох ты, это ж надо ж, от катавасия... Подымайси, мил человек, подымайси, дык застудиться ж можно ж. От ты, Боже ж мой, что ж случилось-та? Как

же ты тут оказался?

Отец Серафим подхватил молодого человека за плечи и потянул к берегу. Тянуть было тяжело, тот не помогал ни себе, ни своему спасителю, лишь стонал по-прежнему и хрипел, отплёвываясь от воды. Вытащив незнакомца из воды, отец Серафим присел на землю, отдышался и попытался ещё раз послушать, дышит ли спасённый. Дыхания было почти неслышно, лишь по тому, как поднималась и опускалась его грудная клетка, можно было сделать вывод, что отец Серафим не зря вытаскивал его из воды. «Сколько ж он тут пролежал? Что же случилось тут ночью? Или вечером? Как он тут оказался?» Вопросы возникали у отца Серафима один за одним.

– Надоть иттить за Афанасьичем, один я его до дому не дотащу, – подумал он. – Ты, мил человек, полежи тут, я быстро за Афанасьичем сбегаю, у него хоть носилки есть, мы тебя до дому донесём. Лежи, мил человек, я быстро...

Через пять минут отец Серафим уже шёл быстрым, насколько мог, шагом в сторону брошенной деревни. Уже подходя к дому, он вспомнил, что забыл на бревне свои удочки. «Да и ладно, удочки никто не утянет, всё одно... рыбалки сегодня уж не будет, человека спасать надо, человека», – думал про себя отец Серафим.

Спасённый пришёл в себя единственный раз в этот день, когда двое старых мужчин, – одному под восемьдесят, другому под семьдесят, – кряхтя и охая перекладывали его на но-

силки. Он пришёл в себя, попросил пить и назвал свое имя.

Его звали Романом.

Отцы несли его к дому, задыхаясь от тяжести и отдыхая через каждые сто метров.

– Мы так, Афанасьич, в сорок третьем выносили из-под обстрела солдат. Я малой был... мне лет десять было... Вот так возьмёшь носилки... а сил нести уж нету. Падали... Падали... Но потом вставали и несли, а он лежит и смотрит на тебя так, что сам бы понёс себя...

– Как его... тут... угораздило-то, Фима?

– Сейчас принесём его, я потом схожу, если силы будут... посмотрю. Мне кажется, там машина в реке. Упал что ли с дороги? По темноте-то?

– Так к кому он ехал-то?

– А шиш его знает, Афанасьич. Забрёл видать, может заблудился ночью-то в дороге. Ух, тяжёлый... давай отдыхать.

Дома Романа уложили на хозяйскую кровать и сами повалились, кто куда: Афанасьич растянулся на лавке, а отец Серафим на диванчике. Дух переводили часа два. Перекусили чем попало. Роман не приходил в себя.

– Ты давай тут побудь, Афанасьич, я пойду, схожу на реку-то, посмотрю. Мож он не один был-то... надо поискать.

Серафим ушел, а Афанасьич сбегал в свой дом, принес супчику и поставил разогревать его на плитку. Роман опять застонал, Афанасьич подал ему воды. Тот пил жадно, много, но выпив всё, опять потерял сознание.

К вечеру картина была более-менее понятна.

Серафим исследовал все следы и пришёл к выводу, что машина свернула с дороги, и на всей скорости, ушла прямо под воду. Роман лишь чудом то ли выпал из неё, то ли успел вынырнуть уже после падения. Он приходил в сознание несколько раз, пытался что-то сказать, но губы не слушались, распухли, и отцы, накормив его супом и жидкой кашей, от которой он больше плевался, чем ел, тоже утомонились.

Утром отец Серафим, как обычно, помолившись, сварил кашу, два яйца и ждал, когда проснётся его, как он называл, «живёхонький». Живёхонький проснулся и застонал ближе к обеду. Роман открыл глаза и впервые за несколько дней увидел что-то вокруг себя: эта странная обстановка старого деревенского дома его пугала. Ему казалось, что мучения его ещё не закончились: так сильны были страшные воспоминания, которые накатывали на него из прошлого.

Съев яйцо и кашу, Роман попытался произнести первое слово после того, как очнулся от прошлого. Слово вышло коряво, но было понятно, что Роман сказал «спасибо».

– Да, спасибо-то, это понятно. Это не «спасибо» надоть говорить, а «спаси Бог», потому как... это каким-то чудом я туда, на мосток-то на рыбалку именно вчерась отправилси. А если бы там ещё ночь пролежал... – то ли вопрошая, то ли утверждая, бубнил отец Серафим. – Ты-ка полежи еще чуток, Рома. Полежи. Ты там всю ночь поди, в воде-то пролежал, как ещё не застудился-то, ночи-то холодные теперь.

Холодные. Вот я тебе накрою ноги-то одеялом. Полежи. А я пока помолюсь. Царице Небесной, что спасла-то тебя, надо благодарственный молебен отслужить. Ты-то полежи, просто, послушай. А я помолюсь.

Отец Серафим вытащил из-за шкафа домашний рукодельный аналой, покрыл его специальной вышитой тканью, положил молитвенник и начал негромко читать молитвы.

Роман слушал сквозь сон, в который опять начал проваливаться. Синяки уже болели меньше, ещё было больно поворачиваться на бок, но на спине лежать уже было легче. Сквозь сон до него доносились слова молитвы, и ему казалось, что он провалился в какое-то тёплое и мягкое прошлое, старые слова и обороты, церковно-славянский язык – всё это создавало неповторимое ощущение какого-то далёкого детства...

К вечеру второго дня Роман впервые нормально поговорил со стариками, рассказал, что с ним случилось в командировке в городе, вспомнил, как его кинули на заднее сидение машины и куда-то повезли. В дороге он начал терять сознание, которое вернулось к нему лишь на берегу реки. Узнав, что от города до этой заброшенной деревни более трехсот километров, Роман понял, что вернуться туда в ближайшие дни будет невозможно: в деревне нет ни машин, ни другого транспорта, и как выяснилось, даже единственный велосипед Афанасьича был сломан. Зато Роман выяснил, как зва-

ли стариков – одного, что вытащил его из реки – Серафим Иваныч, а другого – Михаил Афанасьич.

10.

С телефоном оказалась та же беда.

Ни телефона, ни интернета, понятное дело, в деревне не было. Отцу Серафиму телефон, оказывается, был не нужен – звонить ему некому, родных и близких у него не осталось, а про «тырнет» он вообще слышал только в городе. За почтой и пенсией Афанасьич раз в месяц ездил на велосипеде до поселка, что в десяти километрах. А в остальном старики жили, как отшельники, телевизор не смотрели, радио не слушали, читали одни книги да Священное Писание. К вечеру второго дня разговоры не закончились и за полночь. Роман впервые встретился с такими, как он говорил «отшельниками», а они с интересом слушали молодого человека из столицы, из самого центра жизни. Разговор всё-таки не уходил далеко от событий последних дней.

– Так за что ж они тебя так? – не унимался отец Серафим.

– Да просто так, деньги вытащили, паспорт. Но странно, что сюда отвезли, так далеко, странно что в воду вместе со своей машиной столкнули. Я же все равно лиц-то их не вспомню.

– Да, странно... – протянул Афанасьич. – Ну, а там, в городе, чем занимался?

– Рекламу делал, бои без правил организовывал. Ну это как бокс, только жёстче. Мы так пропагандировали наши коктейли, ну рекламировали, то есть. Ну... – Роман пытался подобрать более простые слова, но не находил.

– Подожди, быстрый ты наш. Так ты эти бои без правил организовал?

– Ну да, подготовили площадку, сценарий, в общем, как обычно, мы такие шоу в каждом городе делаем.

– Ох, Боже ты наш, ох, горемычный. Так понимаешь ли ты, что эти бои без правил тебе боком и вышли?

– Ну как боком... Попался просто. Не нужно было в тёмные переулки лезть. Вот и всё.

– Эх... родимый... всё. Всё, да не всё. Ты Евангелие читал? Что там написано? «Всякое дерево, не приносящее добрых плодов, срубают и бросают в огонь».

– Ну почему «не приносящее добрых плодов»? Это же спорт, соревнование, битва, между прочим. Ну, кулачные бои были же?

– Вспомнил, кулачные бои. Это забава была, а у вас, я смотрю, тут все серьёзно. Вот ты и организовал себе бой без правил. Побили тебя, как ты говоришь «без правил», вот и всё. Это же... лишняя агрессия, озлобленность, вот она на тебя и выплеснулась.

Роман вдруг вспомнил, каким монстром в ту злополучную ночь над ним возвышался огромный баннер с логотипом «Битвы». Ему стало не по себе, он даже вздрогнул.

– Да, мил человек, чего на земле-то делается. Сами себе создаём агрессивность, настраиваем толпу на толпу, а потом сами же в ней и погибаем. Разве для этого Господь Бог создал человека, как ты думаешь, Роман? – его имя прозвучало впервые в такой интонации, он приподнялся с постели и посмотрел на отца Серафима. Только теперь он начал догадываться о том, что попал не к простым деревенским отшельникам. На шкафу позади отца Серафима на вешалке аккуратно висело расправленное облачение священника.

– Ну что делать... – промолвил Роман уже тише. – Без рекламы не проживёшь, она теперь везде.

– А что реклама эта твоя делает? – также заинтересовано подал голос с дивана Афанасьич.

– Реклама позволяет увеличивать продажи продукта. Вот, например, наш коктейль «Битва». С помощью рекламы мы смогли увеличить продажи в пятьдесят раз с начала года, – Роман легко вспоминал цифры годовых отчётов. – Еще через год марка выйдет в лидеры.

– А марка-то чего? Что за «Битва»?

– Это коктейль такой. В баночке. Слабоалкогольный, – говорил Роман немного хмурясь, понимая, что старики этого не оценят.

– А... так вот что!.. Алкоголь! В баночке! Знаю, знаю, в городах теперь все с энтим пойлом ходят. Как с присосками, Боже ж мой. Ой, что делается, что делается... Хороним себя просто. Хороним.

– А название-то такое агрессивное кто придумал?

– Бренд этот я и придумал. Выиграл тендер, кстати.

– Ох, ты такими словами говоришь, я и не знаю... все эти «трынди-брынди». Ты простыми словами скажи – это же название коктейля, так? Пьёшь его, а внутрь агрессивность и вливается, так? Вместе с алкоголем... Ох, родненький ты мой, сколько ж ты греха-то понасобирал, как грибов в корзину. Тебе теперь полжизни расплачиваться за каждую душу, соблазнённую твоим, этим названием, маркой этой твоей... Твоей энттой «трынди-брынди»!

– Брендом? – поправил Роман.

– Да, бредом... бредом... – повторил опять отец Серафим.

Повисла пауза. Роман смотрел на отца Серафима, тот уткнул глаза в пол и только губы что-то произносили шёпотом.

– Я тебе одно могу сказать, молодой человек... – отец Серафим делал большие паузы, – столько ты в свои тридцать лет уже зла сотворил и живой ещё, значит и тебя Царица Небесная... спасла... Значит, что-то изменится в жизни твоей, раз живой ты оказался. Изменится. Вот помяни слово моё. Знаешь, как деревня наша-то называется? Воскресенка, от как! Это значит, они тебя убить хотели, а ты воскрес. Значит не зря всё, ох не зря, – потом помолчал и добавил, – а бренд этот твой, не что иное, как соблазн, искушение для других. А в Писании сказано: «Должно прийти соблазнам, но горе тем, через кого они приходят». Вот так. А теперь,

всё, давайте спать.

11.

На следующий день Роман уже самостоятельно встал, вышел на крыльцо, но ещё каждое движение отдавалось болью в груди и в боках и сильно болели ребра, по-видимому, сломанные. Отец Серафим после утренних молитв и завтрака, сделал Роману специальные пластыри на тело из трав и приказал лежать, не поднимаясь. А чтобы не скучать ему, оставил Евангелие на стуле, рядом с постелью.

К обеду в дом зашёл Афанасьич, посмотреть на Романа и проверить, всё ли в порядке. Он слегка запыхавшись, сел на диван напротив кровати и сидел, не сводя глаз с него. Роман, отложив книгу в сторону, спросил:

– Михаил Афанасьич, хотел вас спросить, вот отец Серафим, – он священник, так?

– Да, священник.

– А где же церковь тогда, где он служит? Вы же говорили, что в деревне никого нет, все уехали и только вы вдвоём с ним живёте.

– Так и есть, вдвоём и живём. А церковь, вона, – Афанасьич показал в окно, – не видно отсюда, на краю деревни, прям около леса стоит. Вдвоём и служим, он Литургию служит, я алтарничаю, помогаю. Вдвоём и спасаемся, я же, знаешь, пятьдесят лет в городе прожил, потом сюда перебрался.

Жена ушла, дети выросли и забыли старика. Кому мы нужны... Вот и спасаемся. С грехами боремся. Со страстями.

– А разве в городе нельзя спастись?

– Можно, конечно, и в городе. Но искушений больше. Вот, ты сам видишь, как тебя искушения-то достали, до чего довели.

– Да... ну я хотел... чтобы... чтобы работа была нормальная, зарплата хорошая, у меня жена беременная, ребёночка ждём... Хочется, чтобы всё было как у людей... Вот и взялся за такое... – Роман старался задумываться над каждым сказанным словом.

– Да у людей сейчас страх-то что творится, всё ради денег – продают своё время, силы, мысли, здоровье – всё ради денег. Вот лукавый-то и потешается над нами, – люди забыли, что работаем-то мы, чтобы жить, а не живём, чтобы работать. А мы с утра до ночи, с утра до ночи... а придёт новый начальник, и уволит всех, возьмёт своих, – куда ты, мил человек, будешь деваться? Другую такую работу искать?... И все опять колесом-таки и пойдёт... Нет, ненормально это. В контору на работу пришел, а что тут твоего, в этой конторе? Всё чужое. Не по-человечески это.

– Ну а как, Афанасьич ещё? Как жить?

– Как жить?... Трудиться надо, над собой в первую очередь. Дом строить надо, хозяйство надо заводить, чтобы всё твое было, а не чужое. Земля есть, – хлеб сажать, чтобы зависеть не от начальников, а от одного Господа Бога. Помо-

лился, вот тебе и урожай, ещё помолился, – два урожая снял, один в городе продал. Вот так раньше жили. Как люди жили отцы наши. А мы...

– Мне кажется, это будет шаг назад в развитии общества, а не вперёд, – подытожил Роман речь Афанасьича.

– Ну и правильно! Назад, к корням своим, к Богу, от которого мы все и произошли. А вперёд – это только к концу света, это всё человек выдумал, что он вперёд идет. Это лукавый зовёт человека, вот он идёт, и думает, что вперёд. Гадаринские свиньи тоже думали, что вперёд бегут, да все вместе в пропасть-то и свалились... А всё почему?

– Почему?

– Да ты читай, вона тут всё и написано. – Афанасьич показал на Евангелие. Хм, как ты ещё ни разу её не открывал, интересно?

– Да я читаю и не понимаю тут ничего.

– А ты читай со вниманием и интересом, а не как детектив, надо захотеть, чтобы Господь открыл тебе глаза... В любом случае, ты думай, размышляй, почему мы тебя тут нашли, на волоске от конца твоего. Ведь Серафима-то что-то толкнуло не к затону идти, а к мосту. Пошёл бы он к затону, ты бы так и лежал до сих пор в камышах энтих. Так и лежал... – Афанасьич махнул рукой, поднялся с дивана и прошёл на кухню.

Вечером отец Серафим опять прикладывал Роману припочки из трав на его посиневшие бока, вздыхая и охая, уха-

живая за ним, словно за собственным сыном. Афанасьич, будучи тут, в помощниках, тоже вздыхал и охал, говоря, что скорее всего нужно Романа все-таки везти в больницу. Но отец Серафим посмеивался над этим:

– Чего там может больница твоя, Афанасьич? Таблеток дадут, уколов наставят, и всё. И так же лежать будет, как и тут. А я крапивочкой приложу, распаренным овсом, да микстурки своей дам... Это тебе не коктейль твой, «Битва» твоя... – смеялся отец Серафим, – это природное средство, вытяжка из трав на спирту. Это – он помахал своей бутылочкой зеленого цвета, – лекарством должно быть, а не сосалкой вашей из банки. Пили всегда лишь на праздниках да от боли принимали, как лекарство. А вы всё вывернули, теперь, слышь Афанасьич, – он повернулся к нему, – пьют меньше, но чаще!

– Да, теперь меры не знают, эт точно, – поддакивал Афанасьич. Роман лишь улыбался этим бережно сказанным словам старых людей, поживших на своём веку, но в глубине души понимал, что они-то как раз правы.

Правы во всём, что говорят.

Эти странные, неосознанные порою мысли о правоте стариков, стали вызывать такие же неосознанные воспоминания из его детства и молодости. Вспомнил он и свою детскую коллекцию баночек, которую лелеял и берёг от глаз завистников, вспомнил он и пивную, в которую бегали после школы и прятались от тети Дуси, вспомнил времена учёбы

в институте, когда охотились за «фирменными» джинсами, обязательно с яркими наклейками и этикетками, вспомнил, как, изрядно выпив, придумывали вместе с Сашкой и Бобром торговые марки и бренды, один «круче» другого... Много вспомнилось в тот вечер Роману, и много вопросов он задал сам себе.

Вопросов, на которые ответов не было...

Пока не было.

Через неделю Роман уже выходил из дома, прогуливался по тропинкам заброшенной деревни и наслаждался чистым, деревенским воздухом. Однако мысли о возвращении домой, к семье, стали всё чаще посещать его. Он понимал, что жизнь преподала ему серьёзный урок, выводы из которого он должен был обязательно сделать.

Первым делом он хотел попросить Лену вернуться домой. Когда он думал о своей будущей семье, о нормальной семье, всё остальное выстраивалось постепенно в единую линию... Да, нужна работа, нужна профессия, – думал Роман, – но это будет другая работа.

Без всяких битв и алкоголя.

Нормальная работа.

Вечером у Романа состоялся не менее серьёзный разговор с отцом Серафимом. Отец Серафим позвал Романа на следующее утро в свою церковку, на службу.

– Ты у нас будешь как гость, единственный на весь храм. Тебе бы надо исповедаться, да причаститься Святых Тайн.

Потому как отпустить тебя обратно в город я смогу только так. Раз уже ты спасся в нашей Воскресенке, значит тебе и жизнь новую надо начинать, как с чистого листа. А начинать новую жизнь можно только с Богом...

Роман согласился.

В церкви он был последний раз лет пять назад, когда они с Леной зашли узнать насчёт венчания. Зашли, им рассказали подробно, как нужно подготовиться к Таинству Венчания, да как-то за суетой жизненной и работой, они и забыли, что именно нужно сделать, а потом махнули рукой на всё это. И забылось.

Утром Роман, только проснувшись, получил из рук отца Серафима чистую белую рубаху, переоделся и вышел из дома. Прошёл тропинкой вдоль небольшого заборчика, когда его догнал отец Серафим и поравнявшись с ним, чуть притормозил его около ворот.

– Стоп, стоп... не в ворота, а в калитку, – подтолкнул его старец рукой. – Сказано, «входите тесными вратами»... – мягко сказал отец Серафим.

– Интересно, а какая разница?

– Очень простая. Все идут в широкие врата, а широкие врата ведут в погибель. Многие живут, и не знают, для чего. А мы, христиане знаем, для чего. Другие получают удовольствие от жизни, много таких... А мы работаем, живём и благодарим Бога, потому что знаем, что всё от Него начало быть. Поэтому и немного таких, как мы, которые не ищут

удовольствий, не ищут наград. Наша награда, Роман, ждёт нас на небесах.

– Ох, отец Серафим, сложно всё это. Как бы правильно сказать, ведь жить хочется сейчас, а не на небесах... как это всё связать?

– Дак очень просто! Жить просто, по заповедям Господним! «Не создавай себе кумира, и не поклонишься ему, и не послужиша». Вот и всё. А все эти твои... тренды-бренды, это суть кумиры, которые ты придумал для толпы. Вот они, когда стали жаждать новых увеселений, удовольствий, им показалось мало твоего кумира, они сбросили и его и тебя вместе с ним.

А потом была служба.

Роман впервые присутствовал на Божественной Литургии и стоял один, посередине старой, ветхой, но уютной и теплой церкви, где всё было украшено и сделано заботливыми руками двух старцев, живущих отшельниками в этой забытой деревне.

В конце службы Роман долго исповедовался отцу Серафиму, тот словно строгий, но любящий отец что-то спрашивал, но потом успокаивал, и в конце покрыл голову Романа епитрахилью и прочитал разрешительную молитву. В этот день Роман впервые после своего Крещения причастился Святых Тайн, вместе с отцом Серафимом и Михаилом Афанасьичем. Закончив дела в храме, они поспешили домой, чтобы

пообедать и собирать Романа в посёлок, в дорогу домой.

12.

Замечено, что дорога домой всегда идёт быстрее, чем из дома. Доехав километров десять по проселочной дороге, на отремонтированном велосипеде до указанного Михаилом Афанасьичем адреса, Роман оставил велосипед у его знакомых и пошёл на автобусную остановку, искать автобус, который идёт до города. Отец Серафим выдал Роману тысячу рублей на дорогу, но с Романа взял твёрдое обещание выслать деньги обратно почтовым переводом.

Доехав до города, Роман решил завернуть в гостиницу, где он оставил свои вещи перед тем, как в тот злополучный вечер выйти на улицу. Номер в гостинице уже был занят, а на вопрос о своих оставленных вещах, на входе у администратора ему сказали, что Роман Пивоваров ещё неделю назад уехал обратно в Москву, сразу после окончания боёв на центральной площади.

Роман вышел из гостиницы и двинулся по проспекту в сторону центральной площади. Он помнил, что где-то по дороге видел почтовое отделение, откуда можно было позвонить. Заказав разговор с Москвой, он ждал минут десять. Ответила Лена.

– Ромка, ты куда пропал? Мы обзвонили все отделения

милиции, все больницы, звонили в гостиницу, нам сказали, что ты вылетел в Москву. Рома, что случилось, где ты? – голос Лены дрожал.

– Лена, все хорошо. Были некоторые проблемы, но уже всё решилось, я сегодня же выезжаю в Москву, у меня к тебе просьба – закажи оттуда билет до Москвы на моё имя, только у меня будет лишь справка о потере паспорта, документы украли...

– Украли? Что.... Напился опять?

– Лен, ну почему сразу напился? Ночью украли на улице, ладно... Лена, я приеду, всё расскажу. Ты-то как?

– Как, как? Пока ты там гулял и искал паспорт... – в голосе послышались слёзы... – у тебя сын родился, Ромка. Приезжай скорее. Я у мамы, ходили к тебе, но у тебя закрыто. Ромка, приезжай...

В Москве Роман обнаружил, что дверь его квартиры была вскрыта, в ней был вставлен новый замок, какой-то сверхсекретный. На звонок никто не отзывался. Роман решил ехать к Лене на тещину квартиру, отложив дела по квартире на завтра.

Через полчаса он уже входил в квартиру тёщи, где жила его жена и маленький, семь дней назад родившийся сын. Встреча дома была настолько теплой и нежной, что он просто забыл на ближайшие три дня, о том, что в его жизни была когда-то важная и ответственная работа, эта командировка

и те страшные события на берегу реки...

Самое приятное было – это брать на руки маленький комочек, которого звали Александром Романовичем, – он практически не отпускал сына с рук и ходил с ним по квартире, показывая этим удивительным загадочным глазкам простые вещи: люстру, вазу, картину, окно, за которым уже наступала настоящая зима.

Александр Романович хлопал глазами, как будто всё понимал и засыпал на руках молодого отца. Это несравнимое ни с чем чувство маленькой жизни впервые вызвало у Романа ощущение, что какой-то отрезок жизни уже прожит, и пора делать первые выводы, чтобы отправляться в следующий этап этой жизни, этап, когда ты уже не один, за твоей спиной твоя семья, твой ребёнок и жена.

Ночью, выйдя на балкон, Роман долго вспоминал ночные разговоры с отцом Серафимом. Каждое слово, сказанное священником, теперь звучало ещё сильнее, ещё серьёзнее. Роман уже тогда понял, что нужно что-то менять в своей жизни, что-то менять в отношении к своей профессии, и выбирать не то, что подсовывает жизнь, а то, к чему близко лежит его сердце.

Он вспоминал слова отца Серафима о том, что если человек избирает тот, единственно правильный собственный путь в жизни, Господь всячески помогает ему на этом пути, а

если человек ошибается и двигается не туда, опять-таки Господь помогает исправить эту ошибку. Тогда часто возникают преграды, сомнения, что-то не получается и всё приходится начинать заново.

Утром он позвонил на работу, ему никто не ответил. Днём он выбрался, чтобы доехать на работу и объясниться с руководством, а заодно и подать заявление на увольнение. Он принял окончательное решение расстаться с алкогольной темой и искать себе более спокойную работу, не связанную с командировками.

Контора при заводе была закрыта, охранник вежливо объяснил ему, что завод закрыт, счета компании арестованы, а сам Адоевский сбежал. Эти новости повергли Романа в шок – он опять вспомнил слова отца Серафима, о том, что «начатое недоброе дело рано или поздно само остановится или развалится».

У коллег, которым Роман дозвонился вечером, он узнал, что детище Адоевского – завод по производству коктейлей «БИТВА», – был закрыт в результате многочисленных жалоб от потребителей напитка и последующей экспертизы самих коктейлей. Оказалось, что у многих подростков после значительного употребления этого коктейля вместе с крепким спиртным открывались острые заболевания печени. На владельца завода Адоевского завели уголовное дело, стали проверять рецептуру и обнаружили, что в напитке присутствовали некоторые необычные формы таурина, которые не

производились в России, а были завезены из Юго-Восточной Азии.

Именно этот поддельный компонент – таурин и приводил к острым заболеваниям. Следствие было проведено буквально за неделю, а уже через три дня после его начала, как раз в тот день, когда Роман готовил проведение очередных боев, будучи в командировке, Адоевский бежал из России, а завод закрыли.

В отделении полиции, куда Роман обратился за новым паспортом, оказалось, что его московская квартира три дня назад была продана по его, Роминому паспорту, которым, видимо, воспользовались те люди, которые избили его в чужом городе. Не оказалось на стоянке и его машины, которую ещё две недели назад он забирал из ремонта. «Забрали всё, – документы, ключи от квартиры и машины, которые были тогда в его карманах, – вспоминал он.

Тот, кто взял его документы, просто забрал себе всё, что когда-то принадлежало Роману.

Его как будто вычеркнули из жизни, и если бы не отец Се-рафим, который вышел рано поутру на рыбалку в той далекой заброшенной деревне, эта черта перечеркнула бы и его жизнь.

Роман набрал на новом телефоне номер Бобра и услышал радостный голос на другом конце:

– Ты куда пропал, дружище? В квартире замок сменил,

машину продал что ли? Ты вообще куда собираешься тикать, за границу, что ли?

– Нет, Бобёр. Я уже оттуда вернулся... Давай встретимся, такое расскажу... не поверишь.

– Чего-то там про твою «Битву» вчера по телеку говорили, мол завод закрыли, Адоевский ваш сбежал. Ты с ним что ли бежишь?

– Нет, нет, Бобёр. Я тут остался. Ищу другую работу. Завтра пойду обратно в «Рай» устраиваться. Я же теперь отец, у меня же сын родился, Бобер, ты в курсе?

– И ты молчал? Ну ты... Давай, Ром, на Первомайской в центре зала и ко мне, я водочки возьму! Давай, встречаемся через два часа!

– Давай, Бобёр. Только давай без водочки. Просто посидим, поговорим, а завтра вечером, после работы, давай домой к Лене приходи, я тут теперь обитаю, посидим, чайку попьём.

Утром Роман отправил обещанный денежный перевод в посёлок, рядом с Воскресенкой.

А в понедельник Роман уже вышел на старую работу, в «Электронный рай». От «Битвы» остались лишь пара пустых банок, которые стояли на книжной полке в комнате маленького Сашеньки.

Поздно вечером, укачивая сына, Роман смотрел на эти банки и представлял, что пройдут годы, и повзрослевший сын спросит его:

– Па, а тут написано «БИТВА» – это что за битва?

И он ему ответит: «Это битва, сынок... с самим собой».

А потом подумает и добавит: «У каждого своя битва в этой жизни».

История третья

ПОСЛЕДНЯЯ СПИЧКА

«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно».

(Исход 20:7)

1.

– Хватит ржать! Дрова давай! – кричал Паша, закутываясь в тёплую куртку.

На небольшом заснеженном пятачке вдоль зелёного забора толпились несколько десятков молодых людей в чёрно-серых куртках, шарфах и шапках. Они о чём-то громко спорили, смеялись, кричали – трудно было разобрать слова, было понятно только, что все они замёрзли и собирались предпринять что-то, чтобы согреться. Несколько человек, выдвинувшись в сторону Павла, бросили к его ногам какие-то дровяшки.

– Во! Давай! Вот так! Теперь... будет горячо! – кричал Паша, принимая «топливо»; он закидывал дрова в старую ржавую бочку, в которой кто-то устроил импровизированный костёр, чтобы согреться.

– Ё-моё, вот он... прямо журнал «Фитиль»! – скривив губы, Паша как-то громко и злобно засмеялся. Бочка загудела, пламя в бочке вспыхнуло, обдав рядом стоящих снопом искр.

– Из искры возгорится пламя! – поддержали его стоявшие рядом. Некоторые из них притоптывали ногами, чтобы согреться. На улице стоял влажный и холодный ноябрь, то и дело принимался снег, но падая, он тут же превращался в грязную жижу под ногами.

– А чего не расходимся-то? – тонким визгливым голосом, перекрикивая толпу, спросил кто-то, стоявший чуть поодаль.

– Кто там такой умный? Сказано – стоять, стоим. Тут у кого психология дрогнет, у них или у нас, – быстро сменил тон Паша, показывая рукой на калитку в конце забора. – Сказано было стоять до утра, как Кутузов. Греться есть чем?

– Наливай! – кто-то передал пластиковые стаканчики по рядам стоящих. Где-то в толпе забулькала водка, следом за бульканьем прокатились знакомые короткие «Фху!», далее тонкой натянутой струной еле слышно повисала короткая пауза и следом звучали облегчённые торжественно-горькие «А-а-а-а»! Стаканы переходили из рук в руки, рукавом вы-

тирались губы, и шелестели вынутые из-за пазух полиэтиленовые пакеты и фольга.

Паша, согревшись возле бочки, погрозил кому-то кулаком, и двинулся ближе к дороге, чтобы запрыгнуть в заранее согретую, тёплую машину, припаркованную недалеко, за кустами.

В машине его ждал Сашка, его друг и приятель ещё со школы, а сегодня впервые – его «сообщник», или как тут все называют друг друга – «координатор». Пронизывающий холодный ветер и шум согревающейся толпы резко затихли, Паша втянул в себя тёплый, с кожаным привкусом, запах салона машины.

– Ну что, замёрз? – развернулся к нему Саша.

– Холодина какая. Знал бы я, что такая погода будет, вдвое больше денег у Мамонтова попросил бы. За такие бабки мёрзнуть тут чего-то не хочется. Сань, включи печку погорячее! Ну, ноябрь...

– Да она и так на максимуме!

– Да ну?

– Потрогай... Так, и какие планы у твоего Мамонтова на дальнейшие действия?

– «Мамонт» сказал стоять до ночи, пока их охрана не дернется, ну а потом – чтобы вызывали ОМОН или что-нибудь в этом роде. – Ухх... фффф, – Паша дышал на пальцы рук. – То есть, нужна реальная маза, понимаешь, чтобы менты начали крошить толпу. Вон там, воооон, видишь, ещё маши-

на стоит? Там журналисты ждут своей очереди. Как только ОМОН начнёт швырять моих ребят в снег мордами, тут же журналисты вылезают. Понял? Так, где моя ириска, курить хочу зверски... – Паша полез в карман куртки, вытащил детскую карамельку на палочке, злобно развернул её холодными руками и принялся сладко сосать. С тех пор, как он бросил курить, карамелька помогала ему справиться с вредной привычкой.

– Ну, и долго их ждать-то, этот ОМОН? Менты-то когда приедут?

Не вынимая конфеты изо рта Паша что-то пробубнил о каких-то спичках и мордах.

– Чего?

Паша наконец-то вынул конфету изо рта.

– Подожди, говорю! Как пойдёт... Как спичка загорится! Вот увидишь! Сейчас ребята до кондиции дойдут и начнётся! Мне «экшен» нужен, понимаешь? Эти ослы, вон, пока всю водку не выпьют, с ними бесполезно разговаривать. Пришли, блин, погреться... – Паша распаялся сам, словно набирая обороты перед какими-то решительными действиями. По мере того, как уменьшалась его конфета, Пашины глаза наливались откуда-то непонятно возникшей ненавистью, подбородок вытягивался вперёд и движения становились резче.

– М-м-м, сладкая... жуть... – Паша расправил обёртку и в темноте, напрягая глаза, прочитал:

– «Красный октябрь». М-м-м, гадость. Тьфу.

Саша смотрел на своего друга, на его уже крепко сложенные морщины на лбу, темные синяки под глазами, вспоминал и молча удивлялся, тому, как изменился Паша за последние пять-семь лет, что они не виделись.

2.

Ещё вчера Пашка, этот худой, визгливый и смешной пацан, ржал и смешил весь класс, срывал уроки, рвал дневник с полученной двойкой на виду у завуча, подкладывал кнопки на учительские стулья, поджигал записки у девчонок, – словом, был весёлым и озорным парнем.

А сегодня...

Сегодня Паша собирает полные концертные залы со своими друзьями-кавээнщиками, владеет собственным театральным агентством, недавно начал серьёзно заниматься «межкультурными связями»: то есть, активно внедрять в жизнь «пиар-технологии», так необходимые, когда «одни не могут, а другие не хотят». Сегодня Паша может быстро собрать толпу полуспортивных весёлых бездельников, организовать митинг, пикет, демонстрацию, – может за несколько часов поставить «на уши» целый район, надавить через «общественность» на директора местного рынка, поссорить между собой депутатов района, устроить забастовку учителей или врачей. Ему, в принципе, всё равно, куда направить усилия

этой «общественности», – главное, чтобы эти «мероприятия» хорошо оплачивались заказчиком.

– Как он всё это успевает? Как он всё это понимает? – думал Саша, смотря на своего «продвинутого» друга, который даже здесь, в тёплой машине не отпускал от себя мысли о работе.

– Паш, а дальше-то чего?

– Чего-чего? Дальше... Будем гасить ментов.

– Нет, я тебя вообще спрашиваю... дальше-то чем будем заниматься?

– Чего ты, Сань, раскис-то? Дальше заказов на подобные «сходы» будет ещё больше! Чем больше власть трясётся, тем больше ей нужна поддержка общественности! А кто эту общественность будет играть? Хоть один митинг разве соберёшь? Все по домам сидят и новости о самих себе смотрят: «Сегодня более тысячи несогласных прошли маршем...» – декламировал он новости, словно телеведущий. – А они дома сидели, эти несогласные! Со своим несогласием в обнимку! Так что, без работы не останемся, Саня. Дай хлебнуть термосок-то, там кофе ещё остался?

Согревшись горячим кофе, Паша открыл дверь, выскок из машины и быстрыми, энергичными шагами добежал до микроавтобуса с журналистами. Здесь, в большой и тёплой «кают-компании» было где расположиться: кто-то спал в кресле, кто-то отгадывал кроссворды при свете неяркой автомобильной лампы, кто-то сзади аппетитно хрумкал шо-

коладом и запивал его чем-то вкусным и ароматным. Пахло табачным дымом, приторно-сладким и ещё каким-то едким запахом, похожим на спички.

– Егор, текстовки готовы?

– Да, Паш, всё готово, вон у Насти посмотри.

Настя, уставшая телевизионная ведущая, готовая в любой момент выйти со своим красивым лицом в телевизионный эфир, протянула Паше листок, сложенный пополам. Паша, присев на свободное кресло, под лампой, прочитал еле слышно:

«Вчера, в Краснореченском районе, на месте строительства новой церкви и духовного православного центра состоялась мирная демонстрация активистов и граждан, проживающих в аварийных домах, подлежащих сносу. По информации актива граждан, на этом месте планировалось построить новые жилые дома под расселение аварийного жилья, но в начале года мэр города неожиданно изменил своё решение: земля была передана под строительство новой православной церкви, которую планируют возвести на этом месте уже в следующем году.

Сегодня несогласные с этим решением жильцы аварийных домов собрались протестовать против этого решения, но вечером, уже после окончания митинга, какие-то наиболее активные православные граждане набросились на митингующих их стали избивать. Среди тех, кто наносил побои мирным протестующим милиция задержала несколько лиц,

ранее замеченных в правонарушениях.

Мэр города, который собирается выступить завтра на очередном заседании архитектурного комитета города, заявил, что решение о строительстве нового храма было принято также под давлением общественности. Мэр города пообещал, что строительство нового жилья для переселенцев из ветхих аварийных домов начнётся в этом году и будет закончено в установленные сроки».

– Ну нормально. Насчет «мэр пообещал», – это сильно сказано. Куда ему завтра будет деваться? Ладно, сейчас придет милиция, вы должны быть готовы, не расслабляйтесь. Смотрите, толпа разная, крупные планы не берите, динамика, динамика, рёв, толпа, все бегут, кто-то падает... ну, Коля, – Павел повернулся к оператору, который почти спал на заднем сидении, – Коля! Не спи!

– Я не сплю. Знаем, Паш. Не в первый раз снимаем митинги ваши. Знаем. Иди... занимайся... со своими.

Паша передёрнулся, настороженно посмотрел на оператора и вылез на воздух. Ноябрьский влажный морозец уже прихватывал, к четырём часам дня молочный солнечный диск уже опустился к самому горизонту, – через пару часов станет темно, не будет видно ничего. Нужно было торопиться...

3.

Паша Репин со своими «межкультурными связями» был

нарасхват в этом городе. А ведь действительно, именно с его любви к культуре всё это и началось.

Паша вообще парень обаятельный, он всегда таким и был. В школе девчонки ссорились между собой за право сидеть с ним за одной партой; он знал об этом, и уже к шестому классу сам выбирал среди девочек ту, с которой будет сидеть он.

Он был центром внимания – постоянно шутил, причём делал это легко и непринужденно. Его шуточки, остроты и приколы, – как он их называл, были всегда к месту и вызывали неуёмные приступы смеха. Учителя злились, ставили двойки, вызывали мать, жаловались директору, – но всё это проходило для Паши, как жаркие и солнечные дни летом, – быстро, и никто не успевал запомнить, а были ли они?

Он легко выкручивался из любой ситуации, отшучивался, отнекивался, просил прощения у учителей, у заплаканной матери; говорил, что «больше не будет», вытирал выступившую слезу рукавом, и... «сваливал». Возвращался, гордо окинув класс взглядом победителя, садился на своё место и продолжал дальше в том же духе.

К десятому классу учителя перестали обращать внимание на его выходки, а он уже стал кумиром школы, – никто так смешно, как он, не рассказывал анекдоты, никто так весело не шутил и не «подкалывал» своих сверстников именно в тех местах, в которых было нужно. Пашино веселье могло начаться в любом месте, будь то урок, перемена, или вечер-

ние «тусовки» около школы – а сам момент удачно и всегда к месту выбирал только он сам.

Как-то, на уроке ботаники, когда молодая учительница входила в класс, Паша просил проверить её, нет ли на учительском стуле букета роз от Вити-двоечника. Учительница удивленно шарила рукой по стулу, и гневно смотрела на Витю, который краснел, как летняя свекла. А Паша ликовал:

– Он хотел Вам на стул букет роз положить... Чтобы вам было немного больно, но приятно.

Класс лежал от хохота.

В другой раз, на уроке математики, изучая проценты, Паша нарисовал на доске «хитрую» статистику: опрос школьников о том, как они относятся к родной школе. На доске было нарисовано: «50% школьников мечтают сжечь школу, 30% – взорвать и 20% – сначала сжечь, и только потом уже взорвать».

Учитель хватался за сердце и бежал к директору.

Но Паше всё сходило с рук.

Пашины шуточки, «приколы» или что-то побольнее иногда «долетало» и до его многочисленных друзей и одноклассников: так он мог обидеть кого-то гадким словом, неприятным сравнением, едким смешком за спиной, а иногда мог слёту приклеить неприятную кличку. Так, например, одноклассника Леню, сына местного священника, Паша дразнил «попёнком» за то, что тот крестился каждый раз, когда за окном был слышен звук далёкого церковного колокола.

Фамилия «Репин» была Пашиной гордостью, – особенно на уроке рисования, он всегда подписывал свои каракули фамилией, отчего вводил учителя в нервное состояние, – тому хотелось ругаться за подобные выходки, но он честно ставил «два» по предмету в журнал и возвращал рисунок недовольному автору.

Больше всего Пашиной фамилии завидовал его друг Саша, с которым они жили в одном доме. Сашка действительно учился в художественной школе, серьёзно занимался живописью и от фамилии «Репин» впадал в лёгкое томление...

– Вот бы мне твою фамилию, я бы весь мир «порвал», – в минуты откровения делился Саша со своим другом. Паша лишь смеялся и бросал в ответ, что бывают на свете талантливые художники и с фамилией Петухов, и что не в фамилии дело.

– Ага, не в фамилии... А в чём же ещё? – мечтательно, но едко, замечал Саша. – Фамилия художника – это очень важно, вот, например, Сальвадор Дааалиииии... вот какая красивая фамилия. А Петухов?

– Ну возьми себе псевдоним, чего ты паришься?

– Как то неловко это.. псевдо... какой-то ... ним. Пусть уж будет Александр Петухов, – Саша прикрывал глаза, словно представляя себе свою фамилию на обложке журнала или на афише, и мысленно соглашался с тем, что видел там, в закрытых глазах.

Самое первое впечатление о культуре у Паши Репина сложилось в шестом классе. Однажды их повезли в Москву, в Третьяковскую галерею. О том, что это лучшая в мире галерея, Паша много раз слышал, но по дороге друзья-приятели много раз повторяли, что это «будет самая тупая и скучная экскурсия в музей, где висят картины». Паша особо и не настраивался на созерцание возвышенного искусства, – он что-то помнил о Третьяковке из разговоров взрослых, а что-то видел по телевизору.

Зайдя в музей, дети сначала завернули в буфет, где наелись горячих пончиков и напились сладкой газировки, а затем их построили в колонну по два и повели...

Так и шли они колонной «по два» – мимо Барокко и Ампира, мимо Возрождения и Ренессанса, – всё мимо; дети лишь весело посмеивались над спящими «хранительницами залов», – старыми бабушками, мирно дремлющими на своих стульях под монотонную речь экскурсоводов. Дети зевали, жевали, редкими набегамы выпрыгивали из «колонны» и забегали в соседние залы, где висели картины, которые им почему-то не показывали – они тайком успевали посмеяться над «голыми тётками» на картинах, и быстро вернуться в колонну «по два».

В середине дня грузная женщина-экскурсовод с опухшим лицом, не выдерживая детских вопросов, шалостей и нарушения строя «колонны» срывалась на крик:

– Если вы пришли в заведение культуры, так ведите себя культурно! Построились в колонну по два! Рты закрыли! И, ничего не трогая руками, идём дальше!

Из картин Пашу больше всего поразило большое полотно какого-то художника-концептуалиста, он не запомнил имени. На нём было изображено в прямом смысле слова «движение» кисточкой по полотну.

– Во, а наш учитель рисования ругает меня за такие выходы! Вон, в Третьяковке же висит! – обижался Паша.

Друзья со смехом поддакивали. Они всегда поддакивали ему, потому что он брал их с собой, считал своими друзьями, и всегда, и везде им было весело с ним.

В конце экскурсии пончики и газировка дали о себе знать, – дети по одному запросились в туалеты. Вымотанный за день экскурсовод не выдержала и предложила закончить экскурсию, с чем довольные дети тут же с радостью и согласились. Закидав раздевалку фантиками от конфет, напившись «на дорожку» сладкой газировки, довольные впечатлениями от очередных пашиных выходов, школьники уселись в обратный автобус и уехали.

Уроков «культуры», как таковых, в школе не было, образовательная программа была и так забита «под завязку», поэтому ученики, как могли сами «культурно образовывались». На уроках музыки, когда молодая учительница-студентка заводила пластинки с образцами классической музыки и выходила на несколько минут из класса, они успевали

поставить в классе целый концерт, как они думали, в «классическом стиле» – забирались на парты, задирали штаны и голыми ногами пытались изобразить танец маленьких лебедей. При этом Паша и тут успевал побыть организатором и режиссёром: он выталкивал скучных и вялых одноклассников в «партер» для весёлых танцев. Ржали и смеялись пацаны, тонко и с чувством хихикали девочки, дружно поражённые тем, как можно скучный урок музыки превратить в зажигательное шоу.

Потом, уже будучи взрослыми, они часто видели подобные шоу по телевизору и сладко вспоминали свои первые «театральные пробы».

Уроки литературы были ещё скучнее.

На них разбиралась какая-то неинтересная тема о любви какого-то старого и больного помещика к молодой скучной барышне, причём «разбиралась» так сухо и буднично, что только очередные Пашины выходки, его шуточки и приколы над главными героями спасали учеников от «литературного сна» на уроках. Учитель заводился с пол-оборота, «впаивала» Паше двойку в журнал, но и это не останавливало его «юмористического творчества» – он просто не мог остановить сам в себе этот поток смешного и зажигательного. Знал бы тогда, этот маленький и худой паренёк с широким ртом и весёлыми глазами, что через десять-двенадцать лет, подобные шуточки и приколы будут собирать целые залы восторженных поклонников и приносить ему доход, несравнимый

с зарплатой престарелой матери.

Всё было тогда ещё только впереди...

Паша Репин очень «средне» окончил среднюю школу, – на радость матери, и, казалось, что сама школа вздохнула с радостью и облегчением: именно так, с глубоким вздохом облегчения провожали Пашу педагоги на выпускном вечере. Все пути, казалось, были закрыты для Павла с такими результатами, но... на дворе началась перестройка.

И то, что вчера казалось настоящим истинным результатом, тогда в одночасье было слито, брошено и растоптано. Двери открылись для всех, вне зависимости от оценок в аттестате, – главное было не ждать, не рефлексировать по поводу своих неудач, а брать голыми руками судьбу-удачу за некоторые наиболее интересные места.

Провалившись на экзаменах в театральный институт, Паша понял, что вообще не стоит никуда поступать и кому-то что-то доказывать: пора было завоёвывать эстрадную сцену сразу, не отвлекаясь на пять лет очередной пустой и ненужной учёбы.

Он начал выступать в молодёжном клубе, читать юмористические сценки, играть скетчи, затем устроился в районный КВН, собрал свою команду игроков-артистов, начал выступать в ночных клубах с программами, составленными самостоятельно. Тогда были популярны названия шоу на ан-

глийском языке, и Паша сам придумал назвать свою программу «ПАШАRUSSIA».

Пошли аншлаги, потекли ручьём первые деньги, а с ними начались ночные посиделки до утра в кабаках и ресторанах, где среди разврата и пьянства Паша начал и сам «закладывать» уже не по-детски.

Утром, с больной головой и сведенными от постоянного смеха челюстями, он приезжал домой, чтобы переодеться и переждать день-два. Мать ухаживала за ним снова и снова, как за маленьким ребёнком, переодевала ему штаны, застирывала рубашки, вытаскивала из всех карманов спички, сложенные сигареты и смятые пачки рублей и долларов. По ночам она плакала, переживая за сына, но с ещё большей радостью она смотрела его по телевизору, пряча заплаканные глаза от подруг-соседей. Они-то как раз восторгались Пашиными передачами, выступлениями и не могли понять переживаний усталой матери.

– Смотри, какого парня вырастила, Никитишна! Смотри, по всем каналам показывают, – щёлкая кнопками, завидовали ей соседи. – Как смешно он карамельку сосёт...

– Вырастила... – устало опустив руки, представляла себе мать, как сын снова поздней ночью вернётся после съёмок передачи. – Всю жизнь из меня высосал, – тише продолжала она, чтобы никто не слышал. – Всю жизнь...

Паша рос, мужал и совершенствовался. Программа «ПА-

ШАRUSSIA» менялась, шутки и розыгрыши становились острее, ярче, шоу ездило по городам и давало концерты, гонорары росли, здоровья на ежедневные загулы уже не хватало, – Паша стал завязывать с выпивкой, курением и ночными бдениями, – здоровье стало сдавать уже к тридцати. Вместо сигареты Паша теперь целыми днями сосал сладкие карамельки на палочке, а от приглашения «обмыть» концерт вежливо отказывался, уезжал в гостиницу и падал на кровать.

В какой-то момент замаячила и серьёзная актёрская карьера, но лишь... замаячила. Поманила, увлекла и быстро выбросила вон. На первой репетиции в известном театре, куда Павел был приглашён на пробы в спектакль, во время перекура возник спор по поводу серьёзного искусства, и Пашу «пробило». Его «глубоко израненная» юмором душа не могла принять ничего серьёзного:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.